

Александра **МИРОНОВА**

К счастью нет прямых дорог

Я вернусь

Повезет обязательно!

Александра Миронова

Я вернусь

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Миронова А. В.

Я вернусь / А. В. Миронова — «Эксмо», 2019 — (Повезет
обязательно!)

ISBN 978-5-04-099598-1

Нина, вдовствующая учительница, вынуждена уехать из страны по визе невесты, чтобы выволить сына из сетей наркодилера. Богдана, торгующая шубами, воспользовалась услугами брачного агентства, чтобы познакомиться с иностранцем и сбежать от бедности и опостылевшей серости. Ольга, эксперт-искусствовед, хочет спасти любимого человека, заключившего невыгодную сделку и влезшего в долги. Три женщины, три судьбы, один континент – Америка. И одна на всех вера в то, что счастье достижимо и все ошибки исправимы.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099598-1

© Миронова А. В., 2019
© Эксмо, 2019

Александра Миронова

Я вернусь

© Миронова А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Все события являются выдуманными, все совпадения случайны

Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь

НИНА

Тихое «тик» изящной стрелки старых часов отозвалось в голове набатом. Еще один час жизни, проведенный в неизвестности и смертельной тревоге. Он ведь никогда не возвращался домой так поздно.

Через час начнет светать. Даже напившись и опасаясь ее гнева, Валера всегда приходил домой до полуночи, но сегодня все было по-другому. Она это чувствовала – пресловутое материнское чутье.

Едва часы мелодично отпраздновали окончание еще одного часа, она достала потрепанный телефонный справочник, подняла трубку старомодного телефона и набрала номер первой больницы. Ожидая ответа, она не сводила глаз с портрета, перевязанного траурной лентой. Оттуда на Нину смотрел с укоризной серьезный мужчина средних лет. Протокольная фотография, даже близко не напоминающая оригинал. В миллионный раз она задавала своему молчаливому собеседнику один и тот же, набивший оскомину и иссушивший душу, вопрос: почему?

Почему их обычная, ничем не примечательная жизнь, заполненная до краев тихим счастьем, в один день развалилась и ухнула в пропасть? Почему так вышло, что их единственный, желанный и горячо любимый сын стал трудным подростком? А она, отдавшая ему всю себя, не смогла с этим справиться? Почему рядом не оказалось крепкой руки отца и надежного плеча мужа? Чем они прогневили высшие силы, что те направили навстречу серьезному мужчине, теперь навсегда застывшему на портрете, грузовик с уставшим водителем за рулем?

На все эти «почему» у портрета не было ответов. Нина с трудом, но пережила боль от ухода единственной любви и смирилась с потерей. После двух месяцев в неврологии и долгих лет походов по специалистам она продолжила жить с половиной сердца. Но с чем она так и не смогла смириться, так это с тем, что ее мальчик ломает себе жизнь, а она, Нина, ничего не может с этим сделать.

Больницы одна за другой сообщали, что к ним не поступал шестнадцатилетний Валерий Мальцев. Поговорив с уставшей дежурной по последнему номеру в списке, Нина повесила трубку и некоторое время сидела молча на табуретке, сложив на коленях руки с коротко подстриженными чистыми ногтями. Затем сорвалась с места и направилась к небольшой кладовке за пылесосом. Часы показывали половину пятого утра. Завтра обязательно надо будет извиниться перед соседями и попытаться им все объяснить. Хотя и объяснять ничего не надо. Все в курсе проблем, ведь половина жителей района в свое время прошла через ее учительские руки. Нина знала, что люди ей сочувствуют, жалеют. И стараются держаться от нее подальше, как от прокаженной.

Пропылесосив в четвертый раз за сутки небольшую двухкомнатную квартиру, в которую они переехали после смерти Сережи, Нина вымыла полы и смахнула несуществующую пыль. Стрелка щелкнула, просигнализовав пять утра. Дальше тянуть не имело смысла.

Дрожащей рукой Нина нашла в справочнике номер городского морга и, прослушав длинные гудки, спросила у наконец ответившего дежурного, не поступал ли к ним шестнадцатилетний мальчик. Услышав ответ, как-то разом обмякла и чуть не упала со стула. Поблагодарив уставшего санитаря, Нина тут же набрала номер полиции и попыталась заявить о пропаже сына. К сожалению, в отделении слишком хорошо знали Валеру Мальцева, чтобы отнестись к ее заявлению с должным вниманием и сочувствием. За последние два года у сына было уже несколько приводов – два за драку, один за мелкое воровство и еще один за вандализм. Сказали перезвонить, если не вернется через трое суток.

Нина не справлялась. Чувствовала себя неловкой наездницей, чья лошадь понесла, вырвав из рук поводья. Подумав, не убрать ли ей еще раз и без того вычищенную до блеска квартиру, Нина решила пощадить соседей. Она встала со стула и в очередной раз прошла в комнату Валеры, стараясь не смотреть в большое зеркало, которое когда-то сама повесила при входе. В последнее время она вообще старалась не смотреть в зеркала, понимая, что ее время прошло. Сорок восемь лет. Еще чуть-чуть, и отпразднует полувековой юбилей. Впрочем, кого обманывать? Праздновать она его совершенно точно не будет.

Комната Валеры выглядела аскетично – кровать под серым казарменным одеялом, которое подарил отец. Одеяло вытерлось, и белесые проплешины грозили превратиться в дыры, но Валера не желал с ним расставаться, а она и не настаивала. Старый лакированный шифоньер, чьи дверцы держались исключительно благодаря крепкому замку. Письменный стол, потертый жизнью и небрежным Валериным отношением. И книжные полки. Раньше Валера читал взапой, но после смерти Сережи не прикоснулся ни к одной книге. Постер с Led Zeppelin. Потертые желтые обои, скромная тканевая люстра и небольшая лампа на столе. У ее сына не было дорогих вещей и милых сердцу безделушек. У него не было увлечений и интересов...

Додумать Нина не успела. За входной дверью раздался шум, и кто-то безуспешно попытался вставить ключ в замок. В два шага преодолев крошечную комнату и коридор, Нина распахнула входную дверь. Валера едва стоял на ногах.

– Доброе утро, – с трудом ворочая языком, поздоровался он и, пройдя мимо матери прямо в ботинках, направился в свою комнату. Нина решила не акцентировать внимание на мелочах, бросилась за сыном, схватила за руку.

– Где ты был? – дрожащим от слез голосом спросила она и, выдохнув, сдулась, словно воздушный шарик, из которого резко выпустили воздух.

Жив. Слава богу, жив!

– В школе, – Валера вырвал руку у матери и рухнул на кровать.

– В школе? – тупо переспросила Нина и сделала несколько шагов по направлению к сыну. Принюхалась, но тонкий учительский нюх не уловил запаха алкоголя. Неужели он курил траву? Как это понять?

– Мама, нам давали вкусные персики на завтрак, я поеду на «КамАЗе», но кружится голова.

– Валерочка, что ты такое говоришь? Что с тобой? Тебе плохо? Где ты был? – залопотала Нина, присаживаясь на кровать и стараясь говорить ласково и доброжелательно, как когда-то советовал ей психолог. Ей, учительнице с двадцатипятилетним стажем, понадобился психолог, чтобы общаться с собственным сыном!

Жизнь большая шутница.

Валера не ответил. Нина протянула руку и вдруг услышала тоненький свист. Сын спал.

Ставив с него ботинки и накрыв одеялом, Нина тихонечко вышла из комнаты и не сомкнула глаз до утра. От радости, что жив.

* * *

– Наркотическое опьянение, – фыркнула Светка, в четвертый раз за последние десять минут перекладывая медицинские карты с одного места на другое и с жалостью глядя на подругу, которая, съезжившись, сидела на стуле. За что на долю одного человека выпадает столько несчастий? Не будь она врачом, наверное, задавала бы себе этот вопрос каждый день. Но здоровый цинизм заставлял трезво смотреть на мир и искать немедленное решение проблем.

– Откуда ты знаешь? – прошептала Нина, сторбившись еще больше. Стала похожей на птицу, которой жизнь обломала крылья.

Старомодное платье идеально отутюжено, тщательно забранные волосы, туфли, подкрашенные на носках. В этом вся Нина – любой ценой показать хорошую картинку, даже если туфли разваливаются, а платье давно морально устарело, она все равно постарается придать им товарный вид.

– Знаю, – отрезала Светка.

Встав из-за стола, она подошла к подруге и присела рядом на кушетку, слегка скрипнувшую под корпулентной фигурой. Она была похожа на сдобную булочку – пышная, мягкая, манящая глубокой ложбинкой груди и яркими камнями в ушах и на пальцах. Светка поправила блондинистую прядь и принялась перечислять:

– Сонливость, вялость, замедленная реакция, спутанность сознания, головокружение?

Нина еще ниже опустила голову. Светка положила руку ей на плечо и ласково погладила.

– Ладно, не дрейфь, подруга, пока он у тебя в подворотне от передоза не корчится, надежда есть. Крепкая мужская рука и смена компании все исправят.

Вместо ответа Нина разрыдалась. Горько и безнадежно, подвывая и захлебываясь слезами. Светке пришлось даже несколько раз шикнуть на нетерпеливых пациентов, ожидающих своей очереди и время от времени заглядывающих в кабинет, чтобы выразить недовольство.

– Женщине плохо, – цедила сквозь зубы Светка и, едва дверь закрывалась, снова привлекала к себе подругу и подставляла мягкое плечо.

Халат промок насквозь. Кажется, она впервые видела Нину плачущей с того момента, как умер Сережа. Даже на похоронах та не плакала, держалась «ради Валерочки». Светка всегда завидовала нервной системе подруги и ее способности спокойно сносить удары судьбы и учеников-идиотов.

Когда все слезы были выплаканы, Нина решительно вытерла покрасневшие глаза, навсегда утратившие блеск еще пять лет тому назад, и робко предположила:

– Я поведу его к врачу.

– Господи, – закатила глаза Светка и, подойдя к столу, достала из ящика бутылку коньяка, преподнесенную одним из благодарных пациентов. И хотя бутылки и конфеты ее раздражали (лучше бы колбасы принесли, ей-богу), сейчас подношение было кстати. Она плеснула коньяка в граненый стакан и, вернувшись к подруге, сунула ей в руки.

– Пей! – сурово приказала она.

– Да нет, ты что, – слабо запротестовала Нина, но Светка умела быть настойчивой. Сунула стакан в руку и поднесла к губам. Нина повиновалась, как обычно. Сделала глоток и закашлялась.

– А теперь слушай сюда, подруга, – начала Светка, в один момент превратившись в Светлану Михайловну Мухину, легендарную заведующую отделением неврологии первой городской больницы, – ни к какому наркологу Валерка не пойдет. Он даже к психологу идти отказался. Наркомания – это не алкоголизм, который может тянуться годами и волшебным образом

закончиться, когда клиент увидит чертей или крокодилов. Ты понимаешь, что достаточно одной неудачной инъекции и ты останешься не только без мужа, но и без сына?

Глаза Нины наполнились слезами, но Светка вновь сунула подруге под нос стакан:

– Хватит слезы лить, потом поплачешь, когда сына вытащишь. Валерка школу прогуливает – ты сама говорила, связался с компанией неподходящей, тебя ни в грош не ставит, и как ты с этим собираешься бороться?

– Не знаю, – прошептала Нина. И в этом кротком «не знаю» заключалась вся трагедия ее жизни.

– Мужик нужен, крепкий, такой, чтобы, если что, и подзатыльник дал, и к делу приставил.

– Но Сережа... – прошептала Нина.

– Сережа умер, – жестко отрезала Светка, – ему уже никакие проблемы не грозят в отличие от тебя. Ищи себе другого Сережу, подруга. Мы не в девятнадцатом веке, чтобы сохнуть по почившему возлюбленному.

– Да что ты такое говоришь! – попробовала возмутиться Нина, но Светлана Михайловна метнула в нее взгляд, убивший на корню все ее возражения.

– Где же я его возьму? – вздохнула Нина. – У нас в школе два мужика. Один только университет окончил, а второй еле ноги волочит. И оба женаты.

– В школе твоей только геморрой можно высидеть. Нужно идти в брачное агентство за иностранцем. Найдешь себе какого-нибудь крепенького ковбоя, увезешь Валерку, а там новый папочка его быстро в чувство приведет.

– Как я могу уехать на край света к совершенно незнакомому человеку? – выкатила глаза Нина.

Конечно, время от времени мысль об устройстве личной жизни мелькала у нее в голове, уж очень страшной была перспектива грядущего одиночества. Но Нина тут же прогоняла ее. Сорок восемь лет, все краски выцвели, кому она нужна?

– Ну, или незнакомый ковбой в Америке, или сын в канаве. Выбора у тебя в общем-то нет, – пожала плечами Светка, с удивлением глядя, как непьющая Нина залпом выпивает коньяк до дна.

БОГДАНА

– Мам, ну ты представляешь, Валька врет и не краснеет! Говорит, ей этот ее Ашот подарил кольцо с бриллиантом! Видела бы ты то кольцо, желтое, ну сразу же видно – Турция, а того бриллианта, прости господи, без очков и не увидишь. И вообще, может, это даже не бриллиант, а цирконий или стекляшка. А так в нос тыкала, будто он ей кольцо английской королевы подарил!

Богдана шумно отхлебнула из огромной кружки щедро сдобренный сахаром черный чай. На просторной кухне новой квартиры, в которую они с мужем переехали два года тому назад при помощи матери, которая работала в областной администрации, витали умопомрачительные запахи. Мама готовила обед – она приходила три раза в неделю и снабжала их едой: варила вкусные борщи, наваристые супы, ароматные рассольники, обязательно запекала мясо или птицу и оставляла пару гарниров, которые после рабочего дня Богдана могла просто разогреть и накормить всю семью.

Полгода тому назад Людмила Степановна купила дочери точку на городском вещевом рынке. Та сопротивлялась как могла, но мать настояла, чтобы Богдана занялась торговлей. Взамен женщина сгоряча пообещала, что поможет молодой жене по хозяйству.

Дочка тут же радостно ухватила за ее предложение (И в кого такая пошла? В их роду все были трудолюбивые, пахали с утра до вечера. Это точно в родню папаши-козла), поэтому

теперь Людмиле Степановне приходилось отрываться от собственных дел и ездить через весь город, чтобы семья дочери не умерла с голоду.

– Ну и что? – фыркнула мать. – Вальке твоей хоть что-то подарили, бриллиант или цирконий, это дело такое. А ты что? Твой тебе разве что три паршивые гвоздички сегодня притащит, и то, если повезет.

– Ну мама, – капризно потянула дочь, с громким хлопом допила чай и, оставив кружку в сторону, направилась к холодильнику.

Людмила Степановна покосилась на дочь. Та была похожа на животное – крупное, сильное, сочное. Эдакая машина для любви и производства детей. С детьми, правда, у нее не очень задалось, еле-еле смогла родить ее радость и солнышко – внучку Катюшу, а вот с любовью, похоже, все хорошо. Ее Васька, с которым она еще в пятнадцать лет спуталась, только это и умел. Лучше б он так деньги зарабатывал.

Богдана открыла холодильник и вытащила из него колбасу и сыр. Отрезав толстый ломоть белого хлеба, принялась намазывать его маслом.

– Ты бы поосторожнее с хлебом и маслом-то, – заметила Людмила Степановна, кидая зажарку в суп и аккуратно размешивая.

– Ой, я так устала, мама, ничего у меня не купили. – Богдана соорудила бутерброд и, снова плюхнувшись на стул, впиалась в него крупными желтоватыми зубами. Простое действие в исполнении дочери выглядело так неприлично, что мать отвела глаза.

– Давно бы сама завела любовника, от тебя не убудет, а глядишь, может, денжат бы и подбросил, – по-хозяйски рачительно предложила мать, доставая луковицу из шкафа, ловко очищая ее и принимаясь резать крупными кольцами – потушит кролика в сметане.

– Ну, мама, какой любовник! Я не такая. Я Васю люблю, – протянула дочь с набитым ртом.

– Люблю-люблю... Толку-то от твоей любви, – проворчала мать, – даже в Турции ни разу не была, откуда тебе вообще знать, как турецкое золото выглядит?

Речь Людмилы Степановны прервал поворот ключа в замке.

– Здрасти, мама. Данька, с праздником! – Вася ввалился в кухню – морозный, в дубленке нараспашку (тоже, между прочим, подарок Людмилы Степановны, сам-то и на такую не смог заработать), по-хозяйски привлек к себе жену и смачно шлепнул ее по попе.

Богдана ойкнула, захихикала и залюбовалась мужем. Мощный мужик в самом расцвете сил. Васька был смешливым и компанейским. С ним хорошо смотреть футбол под водочку с жареной картошечкой да летом на озере жарить шашлыки и орать песни под гитару. Они уже двадцать пять лет были вместе, а в постели каждый раз как пятнадцатилетние. Все в нем было хорошо, вот только деньги не умел зарабатывать.

– Это тебе, – Василий протянул Богдане три небольшие гвоздики, уже успевшие немного поникнуть на морозе.

На новомодный праздник – День всех влюбленных – торговки ломили такие цены, что за хороший букет ему пришлось бы отдать половину своей шоферской зарплаты. Ну ничего, сегодня ночью он хорошенечко поздравит Даню, от этого она уж точно не откажется.

Людмила Степановна отвела глаза и громче, чем требовалась, принялась стучать ножом по доске, остервенело кромсая луковицу, словно та была виновата в том, что дочь уродилась дурой. Еле-еле смогла окончить девять классов да училище, куда мать пристроила ее за большую взятку. Еще и замуж выскочила за этого клоуна. Что с ней будет, когда Людмила Степановна помрет? А чувствовала она себя все хуже и хуже, но к врачам не совалась, надеялась, что само пройдет.

Богдана уставилась на поникшие гвоздики, и внутри противно зазмеился гнусный червячок зависти. Ну и пусть у Вальки желтое золото и цирконий, выглядит же как бриллиант для тех, кто не разбирается. А может, и правда бриллиант? Ашот-то ее мужик небедный, у него

по городу несколько точек с курами гриль и шаурмой разбросаны. Мог и раскошелиться для любимой женщины. А у нее что? За всю жизнь одно кольцо подарил, и то – обручальное, из бабкиных зубов переплавили. Богдана вздохнула и положила гвоздики на стол.

– Данька, ты че такая грустная? – Василий подхватил недоеденный бутерброд и прикончил его в два куска. – Мама, что вы там такое вкусное жарите? Пахнет – отвал башки!

– Еще бы, – фыркнула Людмила Степановна, переворачивая подрумянившиеся куски кролика и прикрывая сковороду тяжелой крышкой, – это потому что мясо свеженькое, домашнее, на рынке куплено за большие деньги, – не удержалась она от шпильки.

– Ой, мама, ну что вы все деньгами меряете, а как же любовь? – Вася подмигнул теще, к которой, несмотря на постоянное ворчание, относился хорошо, и попытался поцеловать жену, но та вдруг уклонилась.

– Дань, ты че? Случилось чего? – удивился Василий.

– Случилось! – голос Богданы задрожал от обиды. – Ашот Вале кольцо сегодня подарил, с бриллиантом!

– Ха, ну так Ашот уже и на десять бриллиантов наворовал, а у скромного водителя откуда такие шиши? Катюша, – крикнул он в сторону комнаты, – а ну прячься, кто не спрятался – я не виноват!

Это была излюбленная игра. Дочка всегда пряталась, когда отец, в котором она души не чаяла, приходил домой. А тот, выждав пять минут, принимался ее искать.

Вскоре из комнаты послышались радостные визги попавшейся дочери, и Богдана виновато посмотрела на мать:

– Ну что?

* * *

На следующее утро, открывая точку, Богдана тихонько напевала – прошлой ночью Вася постарался на славу, и неприятные воспоминания о материнских словах, а также зависть к Вальке улетучились. Тем более та пожаловалась, что с деньгами у Ашота лучше, чем с этим самым.

– О боже, какой мужчина, – мурлыкала Богдана, поднимая крышку контейнера и поправляя слежавшийся за ночь товар. На первый план выставила шубы – их все еще покупали, несмотря на середину февраля. Зиму в этом году обещали затяжную, и мать, в отличие от Богданы, радовалась тому, что заработает денег. А Богдана мечтала о лете, когда можно будет сбросить осточертевший тулуп и валенки и вместо надоевшего горячего чая потягивать прохладный квас.

– Даня! – Валька тут как тут. Явилась не запылилась, сейчас небось будет спрашивать, что ей Вася подарил.

– Ну, что тебе Вася подарил? – поинтересовалась подруга, по-хозяйски проскальзывая в контейнер и наливая себе немного чая из термоса Богданы. Гладкая, лоснящаяся, похожая на свежий масленый блин.

– Что подарил, то подарил, – отмахнулась та, но затем, подумав, прибавила: – Шикарный букет цветов, я даже и названия таких не знаю, и ночью такое мне исполнил, – Богдана закатила глаза в попытке передать всю степень восторга, но Вальку ей провести не удалось.

– Ашотик мне шубу покупает, – с нескрываемой смесью жалости и превосходства сообщила та.

– Надо посмотреть, у меня, кажется, есть пятьдесят второй где-то, – не осталась в долгу Богдана.

– Ой, ну что ты. Ашот сказал норковую брата, настоящую, из Греции, а не из Китая.

Богдана замерла, переваривая оскорбление, а затем, уперев руки в бока, развернулась и начала надвигаться на подругу:

– Ты на что это намекаешь? Это у кого тут Китай? Я же тебе лейблы показывала, там написано – мейд ин Грис, что неясно? Или ты хочешь сказать, что я вру, а?

– Дань, ну ты чего, чего? – Валя оперативно поставила крышку термоса со все еще дымящейся жидкостью на коробку, служившую Богдане столом, и прицелилась проскользнуть в небольшое пространство между наступающей подругой и стеной контейнера. – Это я так, пошутила, – попыталась дать задний ход.

– Шутница, ты посмотри! – Богдана не желала успокаиваться, накопившиеся со вчерашнего дня чувства требовали выхода. – А жена Ашота знает, что ты с ним путаешься? – визгливо поинтересовалась она.

– Дань, ну я же тебе рассказывала, он с женой своей давно не живет.

– Да? А чего это он с ней и тремя детьми по магазинам на выходных ходил, я сама видела! И жена у него беременная, – вынула козырь из рукава Богдана.

– Врешь! – Валентина замерла, сраженная таким вероломством.

– Я вру? – театрально рассмеялась Богдана.

– Да! – выкрикнула Валентина и мелко затряслась, словно слон, увидевший мышь. – И шубы твои китайские!

– Ах ты сволочь, а ну пошла отсюда! Думаешь, как с армяшками спуталась, так можно и других оскорблять? Я жене Ашота все расскажу!

– Девушка, в какую цену вот эта шуба?

Богдана подскочила как ужаленная – клиент! Валентина, воспользовавшись ее замешательством, выбралась из контейнера и на прощание шепнула:

– Мы с тобой еще поговорим.

– Так в какую цену? – настойчиво повторила румяная женщина, похожая на колобка из детской сказки. Простое круглое лицо без следов макияжа. Одета в безразмерный пуховик, на голове платок. Пройдешь и не оглянешься – тетеха тетехой.

Стоявший рядом с ней мужчина был куда интереснее. Высокий, стройный, где-то от сорока до пятидесяти. Из-под аккуратной вязаной шапочки выглядывают темные волосы с импозантной сединой. Богдана снова пожалела, что не лето и не видно ее главного достоинства – настоящей груди пятого размера.

– Мужчина, заходите, сейчас все расскажу, – на всякий случай распрямляя плечи и отбрасывая с глаз пережженную блондинистую прядь, предложила Богдана, отступая в сторону.

– Да это не мне, – улыбнулся мужчина, – это вот жене моей, ее одеть надо, – он обнял колобка за плечи и слегка выдвинул вперед, – заходи, Зочка, сейчас девушка все нам покажет.

Зочка не сдвинулась с места, злобно зыркнув в сторону подозрительно оживившейся торговли. Та, несмотря на ранний час, сверкала розовой помадой и перламутровыми тенями, длинный нос удачно скрыт неплохой стрижкой, ради которой она отказалась от шапки, несмотря на холод. Накинула на голову капюшон и так и стреляет глазками.

– Эта шуба у меня в одном размере, она не подойдет, это на стройную девушку вроде меня, – продолжила топорно кокетничать Богдана. Колобок занервничал и принялся сверлить ее взглядом.

– Так и Зочка у меня тоже стройная, – добродушно ответил мужик.

Богдана окинула колобка оценивающим взглядом.

– Знаете, у меня должна быть шуба пятьдесят четвертого размера...

– Боря, пошли дальше. – Колобок вдруг схватил мужчину за руку и потянул прочь от контейнера.

– Зочка, подожди, давай посмотрим все-таки, а вдруг что-то хорошее? – не понял муж.

– Не надо мне ничего от такой хамки! – вдруг взвизгнул колобок.

– Да вы что? – захлебнулась от негодования Богдана. – Это кто тут хамка?

– Ты! Глаза завидующие, да чтоб ты ничего не продала сегодня, – разошлась Зочка, хватая обалдевшего мужа за руку и волоча его по коридору между контейнерами. Коллеги-продавцы уже высыпались в проход, с интересом наблюдая за спектаклем. Колобок чуть не поскользнулся на скользкой от выпавшего вчера вечером снега земле, но муж успел ее вовремя поймать. Тихонько перешептываясь, они заковыляли прочь от Богданиного контейнера.

– Жрать меньше надо! – не сдержавшись, выкрикнула Богдана и одним махом выпила остывший чай, отворачиваясь от любопытных глаз и смахивая злые слезы. Вот почему одним мужья да любовники, которые шубы покупают, а у нее только Вася без шиша в кармане?

– Это кому тут меньше жрать надо? – раздалось за ее спиной злое шипение, и Богдана резко обернулась, понимая, что мама была права, когда говорила держать язык за зубами.

* * *

– Ай, мама, больно! – захныкала Богдана, когда мать приложила к свежей царапине перекись водорода.

– Молчи, дура! Это же надо было – с клиенткой подраться! – заорала Людмила Степановна. В последнее время глупость дочери переходила все границы и лишала ее последних сил.

– Да эта психованная меня приревновала, увидела, что ее мужик слюнями начал капать. Я что, виновата? – Богдана отвела материнскую руку и смачно хлебнула чаю с коньяком – «для успокоения».

– Дура ты, Даня! – успокаиваясь, пробурчала мать. – На тебя мужики стойку делают, ты еще жизнь свою так можешь устроить, а ты с какими-то бабами на базаре дерешься!

– Вот сволочь, все настроение испортила, – всхлипнула Богдана, – еще и Валька, коза, приперлась с утра пораньше и давай: «ой, мне Ашотик шубу покупает, настоящую норку, из Греции, не то что у тебя – китайские».

Не выдержав тяжелых воспоминаний, Богдана разрыдалась горькими слезами.

– Ну-ну, доченька. – Людмила Степановна прижала непутевую дочь к себе – хоть и дура, а жалко.

Как помрет она, то с кем Даня останется? На Ваську-кобелину надежды никакой. Пока-то он хороший, все в дом, все в семью и дочку любит, а как кризис среднего возраста бабахнет, так крышу и сорвет. А Богдана что? Это сейчас она сочная баба, а в климаксе разве сможет с молодой соперничать? Надо пристроить ее в хорошие руки, пока еще есть время, а там и помирать не страшно будет.

– Мужчину тебе надо хорошего! Чтобы баловал мое сокровище, на руках носил и в норку кутал, – прошептала она, глядя дочь по пережатой голове.

– Где ж я его возьму-то? – утирая слезы, посетовала Богдана. – У нас на весь рынок Ашот один такой.

– Зачем тебе этот армянский нищерброд? – возмутилась Людмила Степановна, отходя от дочери на шаг и поднимая ее голову. – Не для того цветочек цвел! Пусть твоя Валька с ним путается. А тебе нужен американский миллионер – с твоими-то попой и сиськами!

– И где я его найду? – скривилась Богдана. – На мой базар приедет пуховик покупать, что ли?

Людмила Степановна отошла от дочери и включила старенький пластмассовый чайник, который когда-то дарила Богдане на день рождения. Вздыхнув, покачала головой:

– Ну какой базар, Данечка? Люди давно придумали Интернет! Там можно жениха найти!

Открыв холодильник, она начала собирать на стол небольшой перекус: колбасу, сыр, хлеб, печенье и пирожки, которые испекла вчера.

– Мама, ну где я там че искать буду, я в том Интернете не разбираюсь и по-английски ни бум-бум, – Богдана протянула руку к пирожку, цепко схватила и откусила половину.

– Послушай, доченька, – щедро плеснув себе кипятка в большую кружку, Людмила Степановна вернулась к столу и присела на стул, стараясь поймать взгляд дочери, – я вчера вечером рецепты на «ютубе» искала, хотела вас чем-то вкусненьким порадовать, и случайно попала на канал женщины, которая вышла замуж и уехала в Америку. Она такие вещи рассказывает, я аж заслушалась! Ну да, муж старше, ну и что? Это ж не наши развалины. Зато живет в собственном доме, ездит на джипе, путешествует! Хоть мир посмотрит. И тетка та ну не сказать чтоб красавица, ты у меня в сто раз лучше. Может, подыщешь себе кого-то более приличного?

– А Вася? – обалдело спросила Богдана, забывая о недоеденном пирожке.

Слова матери упали на хорошо удобренную завистью и скандалом почву. Но уже примеряющая в мечтах свадебное платье Богдана споткнулась о преграду – она же замужем.

– Ну что Вася? Вася как Вася, – пробурчала мать, беря кусочек сыра. Есть не хотелось, но нужно же было брать где-то силы, – Вася твой так и будет до смерти баранку крутить, ты этого хочешь, что ли? Подыщи себе кого-нибудь потихонечку, а потом разведешься со своим Васей.

НИНА

Крепкий и мощный семидесятилетний Дуглас напоминал смотрителя маяка, такого морского волка с обветренным лицом и, несмотря на годы, пронзительно-синими глазами. Нина понятия не имела, чем приглянулась человеку, который никогда не слышал о Толстом и Достоевском, но почему-то он согласился увезти ее на другой конец земного шара вместе с проблемным сыном. Нет, про проблемного она, конечно же, ничего не сказала, но Дуглас дураком не был и понимал, что мальчик в шестнадцать лет – это не кусок сладкого пирога.

Он даже показался ей симпатичным. Возможно, это был результат нескольких унижительных месяцев, во время которых она получила два письма от потенциальных женихов из Айдахо и Небраски, впрочем, оба пропали после ее ответа. И сходила на свидание с вялым и неинтересным бухгалтером из Кентукки. Мужчина походил на чахоточного, с трудом говорил и даже дышал. Нина молилась, чтобы он дожил до конца свидания.

Дуглас же, напротив, был напорист и энергичен, словно кряжистый тяжеловоз, и они сразу же нашли общую точку соприкосновения – оба любили чистоту и содержали свой дом в армейском порядке. Когда Нина сказала, что каждый день моет окна, а полы обязательно протирает утром и вечером, даже если болеет, Дуглас широко улыбнулся и сказал, что хотел бы пригласить ее к себе на три месяца. Осмотреться, так сказать, на местности. И если все срастется – они поженятся. Нина была растеряна и не нашлась, что ответить.

Вообще, вся обстановка свидания действовала на нее тягостно. Дуглас привел ее в пафосный ресторан, куда ни он, ни она, ни даже переводчица – приятная женщина лет тридцати пяти – категорически не вписывались. Ресторан был наполнен серьезными мужчинами и красивыми девушками, щебетавшими, как птицы, и летящими по жизни, озаряя мир сиянием. Нине казалось, что все они с легким презрением смотрят на ее одолженное у коллеги платье, на Дугласа с его мощной красной шеей и на переводчицу, говорящую, на Нинин взгляд, слишком громко.

– Соглашайтесь, – громко прошептала та, как только Дуглас отошел в туалет (в четвертый раз за последний час).

– Что? – вздрогнула Нина, уже успевшая погрузиться в собственные горестные мысли – как она все объяснит Валере, коллегам, подругам? Впрочем, ей ли сейчас заботиться о том, что подумают коллеги, когда сын все быстрее идет ко дну?

– Соглашайтесь. – Женщина, которую, кажется, звали, как и ее подругу, Светланой, наклонилась поближе к Нине. Та почувствовала немного удушливый запах парфюма. – Понимаете, сейчас иностранцы вообще не смотрят каталоги старше тридцати пяти.

– Каталоги чего? – не поняла Нина.

– Ну как чего? Невест! – пояснила переводчица. – Вот приезжают такие перечники, труха из них сыпется, а все молодух подавай. Думают, что мы тут прям сидим и ждем, пока они нас куда-нибудь в кукурузное поле увезут.

– Но ведь так и есть на самом деле, – грустно улыбнулась Нина.

Переводчица отклонилась назад и, сложив руки на груди, пристально посмотрела на клиентку. Тонкие черты лица, стройная фигура, волосы забраны в аккуратный пучок, глаза слегка подкрашены. Спину держит ровно, говорит грамотно, разбирается в литературе. Совсем не похожа на большинство клиенток их агентства, у тех в глаз встроен калькулятор, а самая большая печаль – цвет свадебного платья.

– Зачем вы здесь? – прямо спросила она.

– Мне сына нужно увезти, – вздохнула Нина и почему-то густо покраснела. Никогда в жизни она не использовала людей ради собственных целей и чувствовала себя просто ужасно, заранее испытывая вину перед малознакомым Дугласом.

– Тогда тем более соглашайтесь. Понимаете, возраст, – Светлана многозначительно посмотрела на Нину, и та кивнула.

Она все прекрасно понимала. Возраст. Когда Дуглас вернулся из туалета, она, зажмурив глаза от страха, кивнула – согласна.

* * *

По дороге домой Нина сотни раз проигрывала в голове разговор с Валерой. Какие аргументы использует, как будет говорить – ласково, но уверенно. Бить на его будущее в хорошей стране, возможность работать в Силиконовой долине, о которой он когда-то так мечтал. Решила быть с сыном откровенной, рассказать, что боится за него. Не врать же про внезапную любовь к Дугласу, ей-богу!

Валеры дома не оказалось, и Нина даже выдохнула, трусливо смалодушничав. Пошла в душ и долго стояла под струями горячей воды, пытаясь смыть невидимую грязь. Все эти женщины, выходящие замуж по расчету или продающие свое тело, – как они вообще живут? Как смотрят на себя в зеркало? Не гнетет ли их мысль о том, что они продают себя, как товар? Возможно, у них всех есть веские аргументы. Возможно, они просто жертвуют собой ради высокой цели?

Ум зацепился за спасительное слово «жертвовать». Да, пожалуй, она не станет рассматривать замужество как продажу себя, будет считать это жертвой.

Безусловно, она сделает все возможное, чтобы наладить совместную жизнь с Дугласом. Постарается стать ему другом и опорой. Возможно, он откроет для нее новый мир, в котором она сумеет отыскать свое место. Брак с иностранцем – это как дверь в пещеру Али-Бабы. Или крышка ящика Пандоры.

Нина услышала настойчивый звонок в дверь и быстро выключила воду. Наскоро вытеревшись, она накинула халат и вышла в прихожую. Раньше в их доме было много гостей, но со временем все они куда-то пропали. Заглядывала лишь Светка, да изредка приходили ученики, которых она подтягивала по русскому языку. Кстати, возможно, ей тоже стоит нанять себе репетитора, чтобы вспомнить английский? Ее скудный школьный запас давно улетучился, но она была полна решимости подучить хотя бы основные фразы перед тем, как отправляться в другую страну.

Звонок снова залился как сумасшедший, кто-то давил и давил кнопку, словно стремясь сквозь тонкое отверстие впустить в дом беду. Нина посмотрела в глазок – Валера. Не успела повернуть ключ, как сын потянул ручку на себя, ввалился в прихожую и запер за собой дверь на все замки.

– Валерочка, что случилось? – Все мысли о замужестве моментально улетучились.

В таких вещах она никогда не ошибалась – сын попал в беду. Она это чувствовала, считывала по мимолетному взгляду, повороту головы, изменившемуся голосу. Жуткая банальность – «сердце подсказало», но в ее случае это было именно так.

– Если меня будут спрашивать – меня нет, – пробурчал Валера и принялся развязывать шнурки.

– Что случилось? – тихо повторила Нина.

Сбросив куртку прямо на пол, Валера распрямился и пристально посмотрел на мать. Он напоминал молодого волчонка. Темные волосы и светлые, песочного цвета, глаза. Из него вырастет необычайно красивый мужчина. Валера взял лучшие черты обоих родителей. Поджарую и спортивную фигуру матери, четкий подбородок, высокие скулы и светлые глаза отца.

Раньше Нина боялась, что у сына возникнут проблемы с женщинами и ему будет сложно сделать жизненный выбор – слишком много соблазнов поджидает красивого мужчину. Сейчас эти тревоги ее лишь сместили. Да пусть крутит романы, влюбляется, расходится, женится, разводится, рождает детей – она всех воспитает. Лишь бы был жив!

– Есть че поесть? – вдруг спросил Валера, и Нина автоматически поправила:

– Не «че», а «что».

– Ма, не занудствуй, жрать хочу, есть че?

– Не «жрать», а «есть», – выдыхая, Нина направилась на маниакально вылизанную крошечную кухню, где кроме мойки и небольшого кухонного гарнитура уместился миниатюрный столик и два стула.

В эту квартиру они переехали после смерти Сережи. Продали трешку в почти центральном районе, потому что Нина не могла жить там, где все напоминало о потерянном счастье. К тому же за то короткое время, что врачи пытались спасти мужу жизнь, она влезла в долги – лекарства и пребывание в больнице обошлись в астрономическую сумму. А отдать их с учительской зарплатой и не умереть с голоду было невозможно.

Пять лет в небольшой двушке с крошечным столиком на двоих.

– Будешь яичницу? – поинтересовалась Нина, начиная хлопотать на кухне – достала сковородку, включила газ и открыла холодильник.

– Че угодно, – Валера плюхнулся на стул и выдохнул.

– Ты мне скажешь, что случилось? – снова осторожно поинтересовалась Нина, кидая небольшой кусочек масла и разбивая одно за другим три яйца. Уменьшила огонь и прикрыла сковородку крышкой. Валера, как и отец, любил запеченную глазунью.

– Ничего, придурки какие-то в подворотне прицепились, – легкомысленно отмахнулся сын, открывая сахарницу и выживая из нее кусок рафинада. Нина бросила на него неодобрительный взгляд, а сердце забилось сильнее – вот ее шанс сказать!

– Знаешь, Валера, меня вообще пугает, как изменился наш город в последнее время, – мягко начала она, выкладывая яичницу на тарелку и ставя ее перед сыном.

Открыла холодильник, достала помидор с огурцом, ловко помыла, разрешила, посолила и положила к яичнице. Сама присела напротив. Валера с большим аппетитом принялся за еду.

– Хлеба дай, – попросил он мать.

– Пожалуйста.

– Пожалуйста, – повторил сын и уставился на мать, а та, передав ему кусок хлеба и вдохновленная вниманием, продолжила.

– Знаешь, я недавно прочитала в газете, что у нас задержали партию наркотиков, шестьдесят девять килограмм. Это так страшно, и хуже всего, что страдает молодежь.

– Это ты сейчас к чему? – моментально напрягся Валера и отложил вилку.

– Давай уедем, сынок, – выпалила Нина и попыталась поймать взгляд сына. Тот откинулся на спинку стула и, скрестив руки на груди, уставился на мать, ожидая продолжения. – В другую страну, – сбивчиво заговорила Нина, – например, в Америку, ты же мечтал об Америке, помнишь?

Она попыталась добавить в голос энтузиазма, но это прозвучало так фальшиво, что ей самой стало стыдно.

– И как мы туда поедем? – прищурившись, спросил Валера, и в этот момент стал так похож на отца, что Нина едва не задохнулась от позора. Словно сам Сережа спрашивал – как ты могла докатиться до жизни такой?

– Ну, есть варианты, – трусливо промямлила она.

– Я надеюсь, ты не собираешься выйти замуж за пиндосского старпера? – фыркнул Валера и осекся, прочитав на вытянувшемся материнском лице правду. Резко вскочил, отодвинув с протяжным скрежетом стул.

– Американского, – автоматически поправила Нина, чувствуя, как земля уплывает из-под ног. Как она могла не подготовиться как следует к этому разговору? Не подобрать аргументы, которые сумеют убедить сына? – Послушай, Валера, для нас это выход, ты сам знаешь, какие у тебя оценки, я говорила со Степаном Ивановичем, он сказал, что даже ради меня не сумеет поставить тебе четыре по математике, ты вылетишь из школы, не закончив ее, или останешься на второй год. Подумай, что бы сказал отец! – Нина вытащила из рукава последний аргумент.

Тишина обрушилась словно камень. Некоторое время Валера сверлил мать взглядом, а затем внезапно приблизил свое лицо к ее. Медленно ощупал взглядом и ухмыльнулся.

– Что сказал бы отец? – передразнил он мать. – А что бы сказал отец, узнав, что ты собираешься стать продажной шлюхой?

Нина сама не поняла, что произошло. Звонкий шлепок и горящий красный след на щеке сына.

– Валерочка, – она вскочила с места и кинулась к сыну, пытаясь все вернуть назад, заглядывать, но тот дернулся, словно она его обожгла. Сделал резкое движение, и стул рухнул на пол с громким стуком.

– Вали куда хочешь! Только я с тобой никуда не поеду, – заорал Валера и вылетел из кухни, хлопнула дверь в его комнату.

А Нина осела прямо на пол и схватилась за голову.

ОЛЬГА

Он любовался ею вблизи и издали. Она была самым рафинированным произведением искусства, что когда-либо проходило через его руки. Уникальная. Из тех, что с возрастом лишь возрастают в цене. Приглушенный свет в Ольгиной галерее делал ее кожу мраморной и прозрачной. Казалось, Галатея ожила.

Ольга, одетая в стильное белое платье, одновременно и прикрывающее, и подчеркивающее стройную фигуру, держала в руках бокал с игристым и общалась с новоназначенным директором музея. Ей не было равных в установке связей. Просто звериное чутье на нужных людей. Еще месяц тому назад она начала уделять пристальное внимание невзрачному молодому человеку, которого в их среде все знали как просто Семена. Тогда она сказала ему, что этот Сема далеко пойдет и наверняка скоро станет генеральным директором крупнейшего в стране музейного центра. Тогда Арсений посмеялся, но через две недели узкое сообщество причастных к искусству было шокировано новостью о назначении Новицкого Семена Саму-

иловича на лакомую должность генерального директора, в борьбе за которую был истерт не один ковер и сломано множество копий.

А Арсений лишь в очередной раз восхитился Ольгой и ее чутьем. Кивнул, одобряя их общение. Семен был умен и обладал прекрасным чувством юмора – блестящий собеседник. О ревности и речи быть не могло.

Арсений Шацкий не знал, что это такое. С самого детства женщины благоволили ему, и не было той, что могла бы устоять или предпочесть другого. Ольга не стала исключением. Но на Ольге он остановился сам.

Если бы в наши дни существовали скульпторы таланта Микеланджело, которые встретили бы на своем пути Ольгу и Арсения, наверняка увековечили бы их в прохладном равнодушном мраморе как венец человеческой красоты.

Арсений тряхнул головой, откидывая упрямую челку, и, поправив шелковый шарф, направился к Воеводину – местному царьку, чей заказ должен был решить все его проблемы, о которых он ничего не сказал Ольге. Мужчина он, в конце концов, или нет, хватит и того, что, как волшебная фея, она и так все решает.

Мягко ступая, словно леопард, разнеженный теплом, едой и любовью, Арсений, отсалютовав Ольге, всегда следившей за ним краем глаза, широко улыбнулся царьку. Тот недавно развелся и вил семейное гнездышко с новоиспеченной победительницей конкурса «Мисс N область».

Насколько Арсений мог судить, вначале та была любовницей, а потом уже стала победительницей. Почему-то наши бонзы не могут удовлетвориться рядовой любовью, им требуется титулованная. Словно в оправдание самому себе и окружающим. Дескать, не просто променял старую верную кобылу на молодого игривого жеребенка, а вот страсть накрыла и упал к ногам «Мисс чего-то там».

Мисс Воеводина была глупа как пробка и красоты сомнительной. Но она уже успела обтесаться в определенных кругах, где считалось очень модным, чтобы в дом закупал предметы искусства Арсений Шацкий.

Они провели первую встречу, на которой Леночка или Лидочка – как же ее зовут? – пыталась улыбаться Арсению, едва Воеводин отвлекался на деловой звонок. Играть в игры с местным царьком не хотелось, к тому же зачем ему камеристка, если дома ждет королева? Поэтому визит прошел быстро и продуктивно. Основным пожеланием заказчика было «дорого и богато», чтоб не стыдно перед друзьями и коллегами.

Он почувствовал неладное, когда прощался с хозяевами. Леночка или Лидочка задержала его руку в своей и сунула маленькую записочку. Арсений знал, что там номер телефона, поэтому выбросил не разворачивая. Расплата не заставила себя ждать:

– Слушай, мне тут Лана в Интернете такой сайт забавный показала, Али чего-то там, ну знаешь, может? Китай лицензированный. – Низкий и плотный Воеводин обхватил высокого и стройного Арсения за плечи и попытался уволочь к стене. Со стороны они смотрелись комично – словно неуклюжий орангутанг пытался взгромоздиться на грациозного ахалтекинца. – Ну короче, там диваны есть похожие и люстры, как ты показывал, мы решили там все заказать. А то Лана хочет на Мальдивы, а где ж баблосиков на все взять? У меня тут дочка надумала в Англии учиться, ну, короче, не сердись, Борисыч, но заказ я отменю.

– Василий Федорович, вы понимаете, что вы говорите? – Арсений резко остановился и без малейшей улыбки на обычно мягком и приятном лице уставился на олигарха. Это был его последний шанс, нить, за которую он цеплялся, повиснув над пропастью.

– Я же везу вам Францию и Италию середины и конца девятнадцатого века, мебель Наполеона III, а вы говорите мне, что решили купить какие-то лубочные поделки с Алиэкспресс? – Арсений не мог поверить тому, что только что услышал.

– О, точно, Алиэкспресс! – вспомнил Воеводин. – Ну ты мне скажи – вот мне-то не одна фигня, на чем сидеть? Моя жопа, чай не во дворцах с детства отиралась. Ты ж понимаешь, Борисыч, это только ты со своей Ольгой разницу видишь, – он повернулся к Ольге и помахал ей рукой.

Та слегка кивнула, улыбнувшись, и снова вернулась к разговору с Семеном. В дела Арсения на людях она никогда не вмешивалась, создавая иллюзию его независимости и самостоятельности.

– Ох, хороша баба! – шумно засопел Воеводин, а Арсений не выдержал.

– Ее зовут Ольга, – отрезал он.

– Ну ладно, ладно, Борисыч, не сердись, короче, продай своего Наполеона кому-то другому, моя Ланка все равно не шарит. Я ей сказал, что дам бабла, чтоб в Италию поехала прибархлилась, и ей уже все равно, сидеть на древнем диване или китайском. Ну, не сердчай.

Воеводин хлопнул Арсения по плечу и тут же покатился куда-то в другой конец зала, размахивая руками и энергично здороваясь со старыми знакомцами.

Арсений брезгливо отряхнул пиджак там, где его коснулась воеводинская рука. Сердце подскочило и ухнуло. Ему нужно на воздух, пройтись немного быстрым шагом, но нельзя. Ольга немедленно почует неладное.

Несколько раз сжав и разжав кулаки, он глубоко вдохнул и выдохнул (так Ольга когда-то научила его бороться со стрессом), Арсений развернулся, чтобы направиться к любимой, но та уже стояла возле него.

– Что случилось? – слегка нахмурившись спросила она и, тряхнув головой, отбросила с глаз темную, завитую в тугой локон прядь.

– Ничего, все в порядке, с чего ты взяла? – неловко попытался соврать Арсений, но Ольга приподняла бровь, и тот моментально сдулся – кого он пытается обмануть? – Воеводин отказался от крупного заказа.

* * *

Они сидели на небольшой террасе, с которой открывался умопомрачительный вид на город. Именно этой террасой они и соблазнились при выборе квартиры. Сама она не представляла собой ничего особенного – большая студия и спальня. Жили они закрыто, и гости у них с ночевкой никогда не оставались. А для многочисленных вечеринок, которые устраивала Ольга для прикорма лояльных клиентов, терраса и студия были просто идеальны.

Сейчас они были одни. Сидели в шезлонгах, накрывшись теплыми пледами и включив уличный обогреватель в виде пылающего факела. В руках по бокалу любимого вина, на низком мраморном столике небольшая тарелка с сырами, финиками и медом. В вине оба разбирались и в совершенстве владели искусством дегустации. Впрочем, люди, связавшие свою жизнь с искусством, потихоньку становятся эстетами во всем.

Снег едва сошел, на улице было промозгло, моросил мелкий дождь. Сквозь него полная луна смотрелась особенно торжественно и мистически – словно серая сталь обернулась мокрой вуалью и отрешенно отсвечивает на грешный мир, обреченный на погибель. Ольга слушала, не перебивая и не выражая эмоций, мозг крутился и щелкал, раскладывая неприятную ситуацию со всех сторон и подыскивая возможные варианты решения. Но все они могли лишь отсрочить погибель, но не отменить ее.

– В этой стране люди не понимают искусства, – продолжал Арсений. Его тонкий профиль в лунном свете навевал мысли о готике и погубленных вампирами девицах.

– Представь себе, он смотрит мне прямо в глаза и говорит: какая разница – китайский сайт или настоящий Наполеон Третий из французского замка? Мол, не все равно ему, где сидеть с этой Леночкой или Лидочкой, никак не могу запомнить.

– Милый, – вкрадчиво, словно молодая кошка, мурлыкнула Ольга, тщательно следя за голосом, чтобы в нем ни в коем случае не промелькнули нотки недовольства и раздражения, – им обоим действительно лучше сидеть на китайских диванах. Органичней. Понимаешь?

– Понимаю, – кивнул Арсений, – я изначально сомневался, что они оценили весь масштаб моей задумки, ведь я заказал мебель для всех комнат, чтобы выдержать в едином стиле. А также картины, зеркала, бра и люстры. Все это сейчас на таможне, нужно будет заплатить за растаможку и налог, а он даже не предложил выплатить мне неустойку!

– Цена вопроса? – не отводя глаз от лунного диска, тихо спросила Ольга. Ни в коем случае не давить, Арсения это может сломать. Он, конечно, воображает, что сильный и выносливый, но она слишком долго была рядом, чтобы знать, что это не так. Его самого нужно оберегать от жизненных потрясений словно драгоценную антикварную статую.

– Даже если я продам все, что выставлено у нас в магазинах, я не смогу расплатиться с долгами. Оля, Оленька, что же делать? – не выдержав, Арсений все-таки попросил ее помощи. Она, единственная, родная, только она могла его спасти. Не деньгами, нет, он бы никогда не взял у нее деньги. Но она наверняка сможет что-нибудь придумать, может быть, убедит Воеводина, что нельзя менять Францию на Китай?

– Милый, иди в душ, – Ольга подтянула под себя ноги, делая глоток вина и поглубже закутываясь в плед, – иди, я скоро приду.

Поцеловав пахнущие тонким нишевым парфюмом (других Ольга не признавала) каштановые кудри, Арсений, не споря, вышел с террасы. Ольга проводила взглядом любимого, и на секунду перехватило дыхание от его совершенства – одетый в джинсы и мягкий пиджак с заплатками на рукавах, горло закутано шарфом, чуть длинноватые русые волосы обрамляют тонкое лицо. Она любила его сильнее, чем могла выразить. Эта ее любовь, которую она встретила довольно поздно, разменяв тридцать пять, была в разы мощнее всех тех чувств, что она испытывала раньше. Она знала, что, если придется, она легко пойдет за него на костер. Предает, обманет, даже убьет, лишь бы он был счастлив.

Арсений не знал, но каждую ночь она просыпалась, тихонько лежала и смотрела, как он спит. Когда-то шутя он показал ей ладонь, на которой линия жизни обрывалась достаточно рано, и с тех пор ее самым большим страхом стало потерять его, не родив от него ребенка. Не продолжив его жизнь, не сплетя их судьбы навсегда.

Сын, она обязательно должна родить ему сына, его копию, который потом родит своих детей, и таким образом Арсений будет всегда рядом с ней, пока она сама не уйдет в мир иной.

Не было ничего такого, что Ольга бы не сделала для него. Она обязательно его спасет, чего бы ей это ни стоило.

БОГДАНА

Переводчица назвала это каруселью. Когда двадцать мужчин, приехавших из-за океана, чтобы отыскать свое счастье в наших краях, по две минуты разговаривают с каждой из двадцати женщин, грезящих о заморском принце. Они отмечают тех, кто им понравился и с кем хотелось бы познакомиться поближе. А в конце этого действия менеджер агентства сверяет записи и устраивает настоящее свидание.

– Я чего-то не поняла, – нахмурилась Богдана, ради такого важного события надевшая юбку выше колена, десятисантиметровые каблучки и, конечно же, кофту с щедрым вырезом. Не котика же в мешке продавать, в самом деле?

Мама сводила ее в салон на укладку, макияж, и теперь Богдана очень нравилась самой себе. Наверняка иноземные кавалеры сейчас гроздьями посыпятся к ее ногам, а ей останется лишь выбрать побогаче да покрасивее. Кроваво-красные губы, длинноватый нос удачно скрыт

пушистыми волосами, а голубые, слегка навывкате глаза опущены наращенными, ради такого дела, ресницами.

– Как можно за две минуты понять, нравится тебе человек или нет? – сомневалась Богдана, ведь к Васе она присматривалась почти месяц, после того, как увидела его на занятиях в училище.

– Понимаете, это химия, плюс люди все уже с опытом, – деликатно пояснила переводчица, косясь на новую партию иноземных женихов, средний возраст которых составлял шесть-десять пять лет.

– Понятно, – кивнула Богдана, на самом деле ничего не понявшая. Мужчин она уже успела окинуть быстрым взглядом. Больше всего ей понравился самый молодой – усатый мексиканец. Высокий, сбитый, с наливными бицепсами. На него-то она и положила глаз.

Карусель закрутилась, завертелась, и от происходящего у Богданы вскоре закружилась голова. Первых двоих она еще как-то запомнила, кажется, их звали Джек и Джон. Или Джон и Джек, неважно. Один был военным на пенсии, а второй фермером. Богдана пыталась улыбаться им и смотреть в глаза, но те постоянно роняли взгляд в ее декольте. Еще бы, в этой своей Америке они наверняка такого богатства не видели!

Когда очередь дошла до мексиканца, которого звали Карлосом, Богдана решила применить тяжелую артиллерию. Закинув ногу на ногу (узкая юбка сразу же приоткрыла тугие бедра), она лениво откинулась на спинку стула и сложила руки на коленях, не давая бедолаге Карлосу ни малейшего шанса оставить ее роскошный бюст без внимания. Карлос моментально вспотел, промямлил, что работает полицейским и живет в Техасе, и с видимым облегчением перешел к следующей «невесте». Богдана с жалостью окинула взглядом тощую невзрачную девушку – господи, и вот это вот еще на что-то надеется?

После окончания карусели гостям вечера были предложены напитки и небольшие бутерброды. Свободной непринужденной атмосферы не получилось – женихи жались кучками, словно опасались нападения, и издалека кидали призывные взгляды на потенциальных невест. А те смотрели друг на друга волком и не предпринимали никаких попыток познакомиться.

Менеджер агентства – симпатичная девушка лет тридцати – обходила потенциальных невест по очереди и о чем-то с каждой беседовала. Пока дело дошло до Богданы, та уже вся истомилась.

– Ну что там? Когда мы с Карлосом опять встретимся? – Богдана залпом выпила второй бокал шампанского, и легкие пузырьки в голове заставляли ее чувствовать себя облаком. Хотелось петь и танцевать. И жаркой ночи, чтоб не спать до утра.

– К сожалению, Карлос остановил свой выбор на другой девушке, – мягко сказала менеджер, подсаживаясь к Богдане и оценивая ее декольте. Ну что же, сразу видно – женщина в отчаянии, судя по возрасту – последний поезд. Вполне может заскочить с тем, кого она собиралась ей предложить.

– Что? – Богдана не сразу поняла, выпитое шампанское мешало мыслить ясно. – Я что, ему не понравилась?

– Нет, что вы! Как же вы можете не понравиться? – усмехнулась менеджер, но Богдана не уловила в ее реплике издевку.

– Знаете, – девушка понизила голос до интимного шепота и пододвинулась к Богдане, – только между нами. Карлос просто полицейский, и он очень молод. Зарабатывают полицейские немного, и работа у них опасная, да еще в таком криминальном штате, как Техас! Завтра его застрелят, и что вы будете делать? Вдовья пенсия – слезы. Так что это даже к лучшему, поверьте моему опыту. Я хочу предложить вам кое-что более интересное – Джорджа.

– Джорджа? – Богдана нахмурила лобик, пытаясь вспомнить, кто такой Джордж.

Менеджер помогла ей, кивнув в сторону пожилого мужчины с крашеной рыжей шевелюрой. Тот, не сводя с Богданы глаз, помахал ей рукой и широко улыбнулся, отсалютовав бокалом.

– Но он же старый, – разочарованно протянула Богдана. Пузырьки лопнули, испарились и забрали с собой приподнятое настроение.

– Ну что вы, шестьдесят четыре – это вообще не возраст для американских мужчин, у них только жизнь начинается! – бурно запротестовала менеджер. – Я вам советую сходить с ним куда-нибудь хотя бы раз и присмотреться. У него свой бизнес, много увлечений, скоро пенсия, а на пенсии американцы активно путешествуют.

– Ну не знаю, – снова протянула Богдана, сканируя потенциального жениха – такого разве Вальке покажешь? Да она просто засмеет!

– Только между нами, но мне кажется, он миллионер, – тихо прошептала менеджер Богдане на ухо. Агентство принадлежало ей, в этом бизнесе она крутилась уже десять лет и прекрасно знала – продать можно любое дерьмо, главное, правильно подобрать обертку.

– Миллионер? – глаза Богданы моментально зажглись интересом, и она еще раз внимательно посмотрела на Джорджа – ну, если его переодеть во что-нибудь поприличнее, чем рубашка с шортами, подстричь и показывать издали, может быть, и ничего.

– Хорошо, скажите ему, что я согласна на одно свидание, – тоном королевы-матери сообщила она, беря третий бокал с шампанским, салютуя им Джорджу и краем глаза наблюдая, как Карлос подходит к той самой больной мышце. Ну что же, сразу видно, что девица хроническая неудачница. На такую миллионер никогда не клонет.

ОЛЬГА

Вчерашнюю ночь она провела без сна. Сделав все возможное, чтобы успокоить Арсения, она лихорадочно думала, как поступить. Таких сумм, о которых шла речь, у нее не было. Она владела двумя небольшими магазинами антиквариата и галереей, в которой выставлала в основном современных художников. В лучшие годы она замечательно себя чувствовала, вращаясь в мире прекрасного и не отказывая себе в маленьких прихотях. Но кризис заставил затянуть пояса, и искусство пало едва ли не первой жертвой. Галерея почти не приносила дохода (хотя Семен пообещал ей выставить в музее кое-кого из ее подопечных при первой же возможности), держались они благодаря продаже антиквариата.

Арсений был экспертом-искусствоведом. Они познакомились, когда Ольга пришла к нему оценивать картину без подписи, про которую собственная интуиция просто кричала – это что-то значимое. Так и оказалось. Картина была продана за бешеные деньги на «Сотбис», а они улетели на месяц на острова и с того времени больше не расставались. Сразу по возвращении купили эту студию и начали вести богемный образ жизни. Которому, очевидно, пришел конец.

Даже если она продаст галерею и магазины, это все равно их не спасет. Возможно, покроет растаможку и налоги. Если повезет. Ольга просто не могла злиться на Арсения, но будь на его месте любой другой, ему, безусловно, не поздоровилось бы. Как можно было делать такие инвестиции, толком не получив аванса и не посоветовавшись с ней? Еще и занять деньги на закупку в подозрительной конторе! Но в этом Ольга тоже винила себя. Она всегда зарабатывала больше. Он был экспертом, а она владела магазинами и галереей. Его это угнетало, она точно знала. Именно поэтому он и решился на такую авантюру.

Где взять деньги, чтобы расплатиться с долгом, она не представляла. Арсений сказал, что уже пришло время, отдать долг нужно было три дня назад. Кредит в банке им на такую сумму не дадут, а знакомых, у которых можно перехватить «до зарплаты», у них не было.

Ольга давно думала об эмиграции. Убежать в другую страну, где у людей есть больше возможностей платить за искусство, было бы выходом, но как это осуществить? Невозможно вот так просто приехать и начать бизнес с нуля. Хотя они оба в совершенстве владели английским, но рынок американских и британских антикваров был и так полон, к тому же кто даст им

визу? Разве что Арсению жениться на иностранке или ей замуж выйти. Ольга тут же отогнала эту мысль как фантастическую. Никогда в жизни она не выйдет замуж ни за кого другого.

Утром Арсений выглядел более спокойным и сосредоточенным. Он молча выпил кофе и съел круассан, которые она всегда покупала к завтраку в небольшой французской булочной, открытой пару лет тому назад гасконцем, влюбившимся в русскую и оставшимся в стране.

На вопрос Ольги, что он собирается делать, Арсений туманно ответил, что сегодня у него есть два заказа на оценку и еще он хотел бы встретиться с одним другом и поговорить с ним о бессрочном займе. Ольга кивнула, поцеловала на прощание и до обеда не находила себе места от беспокойства – не было у него никаких богатых друзей, и она об этом прекрасно знала.

Именно поэтому и позволила себе залезть в портфель к вернувшему несколько часов спустя Арсению, сраженному мигренью. Обнаруженный в портфеле договор о страховании жизни немедленно поверг всегда спокойную и рассудительную Ольгу в панику – что он задумал? Сумма очень большая, и договор составлен в ее пользу. Чтобы что? Чтобы она расплатилась с долгами и еще осталась с небольшой памятью о нем?

Ольга почувствовала, как земля уплывает из-под ног. Не выпуская из дрожащей руки белую бумагу, густо исписанную мелким шрифтом, она опустилась в кресло (настоящий ампир!) и тупо уставилась на лист. В голове словно шестеренки на бешеной скорости крутились мысли. Ольге казалось, что каждая из них катком проезжается по очередному варианту спасения, взрывая его в клочья и отбрасывая в сторону за ненужностью. По всем, кроме одного. самого фантастического.

– Мы должны уехать, – прошептала она, входя в затемненную спальню и ложась прямо в платье на кровать рядом с Арсением. Тот не спал. Лежал на спине, прикрыв глаза, и не шевелился.

– Куда? – тихо спросил он.

– Туда, где мы будем нужны со своими знаниями и экспертизой.

– Нас нигде не ждут.

– Нас – нет. Но могут ждать тебя и меня.

Арсений сел на кровати и поморщился, голова закружилась:

– О чем ты?

– Выслушай меня до конца и не перебивай, даже если то, что я сейчас скажу, покажется тебе полным бредом. Мы продадим магазины вместе со всем содержимым, галерею и квартиру. Этого хватит, чтобы отдать долг. Как только узнают о продаже, нас сразу же запишут в сбитые летчики, и начать с нуля здесь мы уже не сможем. Рынок не прощает таких промахов. Ни ты, ни я не приспособлены к обычной работе, да и что мы можем делать? Мыть полы или торговать?

– Мы можем продолжать работать экспертами! – жарко перебил Арсений, и Ольга укоризненно покачала головой:

– Милый, все будут говорить о том, что мы ошиблись в экспертизе и поэтому попали на деньги, ты же понимаешь это. Поэтому выход у нас один – уехать и начать все заново.

– Уехать? Куда? – не понял Арсений.

– В Америку. Я выйду замуж за американца, поживу с ним, получу гринкарту и разведусь. После этого вызову тебя к себе. За это время я попытаюсь открыть свой бизнес и как-то стать на ноги, чтобы помочь тебе продержаться...

– И речи быть не может, – Арсений схватил Ольгу за руку и привлек к себе. Любимое лицо, знакома каждая черточка. Представить ее рядом с кем-то другим? Нет, невозможно, лучше сразу – со скалы.

– Милый... Послушай, – Ольга ласково погладила его по лицу, – в случае тебя и меня другой мужчина – это так, ничто и никто, просто средство достижения цели. Мы не будем здесь счастливы, неужели ты не понимаешь? Даже если расплатимся с долгами. Я уже все продумала. Мы снимем тебе небольшую однушку где-то в спальнике. Ты продержишься сам, без меня. Я

уюду и постараюсь сразу же выйти на работу, буду отправлять тебе деньги, ты будешь приезжать, и я тоже. А как только придет время, я перевезу тебя к себе.

– Нет, нет, нет! – заорал Арсений, вскакивая с кровати и впервые с момента их знакомства повышая голос. Ольга никогда раньше не видела его в такой ярости и агонии. Она знала, что он чувствует, но они были взрослыми людьми, чтобы понимать, что иногда необходимо поступиться собственными чувствами и амбициями ради высокой цели.

– Ты никуда не поедешь, я не стану подкладывать тебя под другого мужика! – продолжал бешениться Арсений. Обычно бледное лицо покраснело, а волосы растрепались.

– Но ты меня никуда не подкладываешь, – пожала плечами Ольга, – я сама так решила. Я взрослая свободная женщина...

– Пойдем в ЗАГС и распишемся! – моментально прервал ее Арсений. Неужели она хотела замуж все это время, а он этого не заметил? Ему казалось, что таким, как она, все эти публичные обряды и условности совершенно безразличны.

– Арсений, – Ольга встала и мягко подошла к нему, обнимая, – Арсений, я прошу тебя, успокойся.

– Нет, Оля, я не могу. – Он оторвал ее от себя и потряс за плечи. – Как тебе это в голову пришло?

– Мне многое приходило в голову, я рассматривала все варианты, просто этот кажется мне наиболее реальным.

– Может, я женюсь? – грустно усмехнулся Арсений, и у Ольги тотчас защемило сердце. Ну уж нет, его она никому не отдаст.

Не успела она покачать головой и озвучить свои соображения, как в дверь настойчиво позвонили. Внутри что-то дрогнуло и оборвалось. Ольга молча подняла глаза на Арсения, когда звонок повторился, а затем дверь слетела с петель.

Ольга метнулась в студию и вперила взглядом в двух дюжих молодых людей, держащих в руках бейсбольные биты.

– Надо же, – усмехнулась она, ни на секунду не теряя самообладания, – я думала, такие приемы остались в прошлом.

Парни переглянулись, немного сбитые с толку.

– Где Арсений? – спросил тот, что был повыше и, судя по выражению лица, посообразительней.

– Зачем вам Арсений? – не сводя глаз с парней, Ольга судорожно прислушивалась к звукам из спальни – главное, чтобы не полез геройствовать.

– Привет хотим передать, – захихикал второй, чуть поменьше ростом и потолще.

– Я передам, – кивнула Ольга, – что-то еще?

– А эта дорогая штука? – первый ткнул в фигурку Розенталя, стоящую на мраморной консоли.

– Смотря что иметь в виду под «дорогой», – не успела договорить Ольга, как парень толкнул статуэтку и та, упав на пол, разбилась вдребезги. Ольга, не двинувшись с места, подняла глаза на парня:

– Ну и зачем?

– А ты чего такая борзая? – напрягся его товарищ, делая шаг вперед. Он с детства привык, что люди стараются его избегать и редко смотрят в глаза. А эта стоит и пялится насмешливо, как на идиота. Хотя баба хорошая, сочная. Может, попросят ее за долги забрать? Он бы не отказался.

Вместо ответа Ольга пожала плечами, а парень сбил дубинкой картину одного перспективного шестидесятника, которую Ольга купила по случаю и планировала подержать у себя лет десять-двадцать, пока в цене не подрастет. А подрастет совершенно точно.

Картина рухнула, стекло разлетелось вдребезги. Второй парень вступил в увлекательную игру, и они принялись крушить все, что попадалось им под руку. Ольга закрыла глаза, чтобы не видеть. Вещицы, которые она хранила дома, были на редкость изящны и неизменно ее радовали. При других обстоятельствах она бы очень разозлилась, но сейчас поделки ее мало волновали. Главное, чтобы парни не вошли в спальню и не увидели Арсения.

Когда в студии не осталось ни одной целой вещи, парни наконец-то удалились, снова передав привет и напомнив, что на выплаты есть неделя, и это последнее дружеское напоминание.

Некоторое время Ольга стояла недвижимо посреди хаоса, в который за несколько минут превратилась ее идеальная жизнь. Затем, ступая прямо по осколкам того, что еще несколько минут назад было произведениями искусства, она направилась в спальню.

Арсений сидел на кровати, обхватив голову руками и раскачиваясь из стороны в сторону. Ольга села рядом с ним и положила руку на колено. Он повернул голову – в глазах слезы. Арсений привлек к себе Ольгу, вдохнул аромат ее волос и прошептал:

– Я не могу тебя об этом просить.

БОГДАНА

– Осторожно, Ана, тут скользко! – Джордж заботливо приобнял Богдану за талию и удержал на ногах, когда та чуть не растянулась на скользком полу боулинга.

Одетая в слишком плотно облегающее фигуру бархатное платье с декольте, которое открывало больше, чем закрывало, на высоких каблуках и с красной помадой на пухлых губах – в боулинг Богдана явилась во всеоружии. Никогда раньше она здесь не бывала и понятия не имела, что скользкое покрытие не даст ей возможности красиво продефилировать перед иностранным миллионером. Едва не упав, она даже подумала, что, возможно, стоило одеться по-другому, но восхищенный взгляд Джорджа, устремленный в район ее природных щедрот, и его неспособность сосредоточиться даже на самых простых фразах доказали ей, что все-таки это был правильный выбор.

Поняв, что в боулинг Богдана играть не умеет и не собирается менять каблуки на специальные кеды (ну что я как дура буду в платье и кроссовках?), Джордж пригласил ее в бар и, заказав по коктейлю, достал из рюкзака альбом с фотографиями. Богдана под села поближе, чтобы все внимательно рассмотреть, а Джордж едва не лишился чувств, оказавшись рядом с богатством, лежащим так близко – стоит руку протянуть.

– Смотри, это мой дом, – слегка дрожащим пальцем ткнул он в первую фотографию.

– Твой дом? – Богдана потрясла головой, рассматривая строение, более всего походившее на средневековый замок. Подняла глаза на переводчицу, женщину средних лет. Та, пожав плечами, уточнила:

– Да, мой дом. А еще у меня есть квартира в клинике.

– В клинике? – Богдана еще не успела сделать глоток коктейля, а голова уже шла кругом. – У него есть своя клиника?

– Три, – кивнул Джордж, выслушав вопрос переводчицы.

Оглянувшись по сторонам (на всякий случай!) и удостоверившись, что в боулинге нет ни одного знакомого лица, Богдана положила руку на руку Джорджа и придвинулась поближе.

– Он что, врач?

– Ветеринар, – робко улыбнулся в ответ Джордж и почему-то покраснел.

Богдана сразу потухла, руку она убрала и положила на свое колено, а потенциальный жених быстро перевернул страницу альбома и ткнул пальцем в фотографию лошади и какого-то мужчины:

– Я тренирую лошадей, которых снимают в фильмах в Голливуде. Вот я на съемках, вон там за мной, видишь? Харрисон Форд!

Рука вернулась на место, а Богдана снова прижалась к мощному боку Джорджа. Тот был похож на скальный монолит – среднего роста, кряжистый, мощный, широкий. Может быть, это и есть та самая мужская спина, которая позволит ей быть «за мужем» и забыть о торговле на рынке, как о страшном сне?

– Смотри, Ана, – имя Богдана ему категорически не давалось, – это я на Карибах, а вот на Гавайях, а вот я катаюсь на лыжах в Колорадо, у нас там самые лучшие лыжные курорты. А ты умеешь кататься на лыжах? – поинтересовался он.

– Ой, нет, – махнула рукой Богдана, заливисто рассмеявшись (как-то коллега на рынке сказал ей, что у нее мелодичный смех), – где я и где лыжи? Но я очень люблю путешествовать. Скажите ему, что мы с мужем, ну то есть с бывшим мужем, ездили в медовый месяц в Сочи, мне очень понравилось.

– Сочи? – повторил Джордж незнакомое слово и, позабыв о приличиях, снова уперся взглядом в манящее, бледно-розовое декольте, сулящее давно позабытое наслаждение. – Это где?

– Это такой курорт в России.

– Я не знаю Сочи, Ана, – пожал плечами Джордж, не отводя взгляда, – но мне кажется, что такая женщина, как ты, достойна большего!

НИНА

К этой теме они больше не возвращались. Валера отказался с ней разговаривать, и ни о какой подготовке к отъезду речь не шла. Сама Нина, естественно, без сына никуда ехать не собиралась. Вся эта безумная канитель затевалась исключительно с целью спасти Валеру, ведь ей самой и дома было хорошо. В ставшей уже привычной чистенькой, маленькой квартире, рядом со Светкой и коллегами-учителями. Она даже учеников любила, что было в учительской среде большой редкостью, и они платили ей тем же. Ее жизнь была устроена, предсказуема, и она не хотела ничего менять. Это в двадцать можно все бросить и беспечно уехать, а в почти пятьдесят таких поступков уже не совершают.

Через переводчицу Нина передала Дугласу, что очень ценит его предложение, но, к сожалению, принять не может. Причины объяснять не стала – к чему? Попросила менеджеров убрать ее анкету из всех «каталогов». Ей даже показалось, что менеджер сделает это с удовольствием – Нина была бесперспективной, денег не заработаешь.

Апрель выдался влажным и теплым, в сапогах хлюпали набухшие от влаги стельки. Боря Торсунов, ее самый денежный ученик, внезапно передумал поступать на журналистику и решил подать на юридический. Вежливая красивая мать Бори, с трудом двигая внезапно опухшими губами, протянула Нине конвертик и объяснила, что в ее услугах они больше не нуждаются. В ответ Нина сделала жуткую глупость – кивнув на губы, спросила, не проявление ли это аллергии, и в этот момент до нее дошло, что, наверное, женщина сделала себе укол красоты. Какая же она все-таки дура, вначале ляпнет, а потом думает! Впрочем, Борина мама ей никогда не нравилась. Относилась к учительнице, как к домработнице, совершенно спокойно могла перенести время занятия, потому что они с Борей шли по магазинам или решили на три дня махнуть куда-нибудь в Париж. У Нины все планы летели кувырком, но неудовольствие она не могла себе позволить, ведь частные уроки были большим подспорьем их скудному бюджету. И потеря Торсунова здорово расстроила ее. Новых учеников в конце учебного года не предвидится, что же они будут делать? У нее на руках взрослый мужчина, которого нужно кормить как минимум три раза в день и желательно мясом и витаминами. Вот только учительская зарплата на такие траты никак не рассчитана.

Валера уже две недели не выходил из дома, с того самого дня, когда они поссорились. Днями лежал в своей комнате, повернувшись к стене и не отвечая на ее вопросы. Она уговорила Светку добыть для него справку о воспалении легких. Преступление, но что поделать? Иначе сына могли выгнать из школы, не дожидаясь конца учебного года, несмотря на мать-учительницу.

Он отказывался говорить, что произошло, и ей оставалось только гадать. Но в глубине души Нина даже была рада, что все так обернулось. Если сын сидит дома, значит, он не употребляет наркотики. А это, в свою очередь, значит, что все зашло не так далеко и он не стал зависимым. Ради этого стоило смириться с пропуском школы. В крайнем случае, попросит директора оставить Валеру на второй год, а там, глядишь, и за ум возьмется.

Пухлый Борин конверт приятно грел руку. Может быть, ей стоит купить сыну какой-то подарок, чтобы восстановить хрупкое равновесие в их маленькой семье? Как-то загладить свою вину. Ведь она снова сделала что-то не так.

Нина свернула с освещенного проспекта в арку, что вела к их дому. Там вечно справляли нужду неосознательные граждане, отчего в арке нестерпимо воняло нечистотами. Вот и теперь неизвестный молодой человек пристроился к стене и обильно орошал ее струей.

Обычно Нина проходила мимо, старалась избегать конфликтов, но сегодняшняя потеря ученика выбила почву из-под ног. Хотелось плакать и ругаться одновременно.

– Да как же вам не стыдно! – возмущенно воскликнула она, остановившись и глядя на мужчину, неспешно заканчивающего начатое. Тяжелая сумка с продуктами на несколько дней оттягивала руку, и Нина поставила ее на землю. – Неужели нельзя было немного потерпеть, у метро же есть туалет!

Мужчина, игнорируя Нину, застегнул молнию и неспешно принялся за ремень. Поняв, что он не собирается ей отвечать, Нина подняла свою ношу и пошла дальше, качая головой – как из сладких маленьких мальчиков потом вырастают такие бескультурные мужики? Или проблемные наркоманы? Где тот момент, когда все идет не так?

– Слышь, учительница, – Нина почувствовала едкий запах мочи, когда мужчина одной рукой закрыл ей рот, а другой приставил к лицу острие ножа, – передай своему сынуле, что дома может не прятаться, мы его и там найдем. Счетчик включили в понедельник, сегодня пятница, если за две недели не вернет, что взял, – деньги понадобятся на твои похороны.

Едкий запах исчез так же внезапно, как и появился. Ему на смену пришла резкая боль и ощущение чего-то горячего, стекающего за воротник. А затем яркая вспышка и долгожданный покой.

* * *

Нина пришла в себя от громких криков. В соседней комнате спорили двое, один из них кричал. Точнее одна. Светка вопила с ненавистью и от души, второй голос – мужской, Валерин, лишь слабо оправдывался.

– Ты посмотри, что ты с ней сделал, придурок малолетний! Ты думаешь, мать железная или вечная? Почему не вышел и не встретил?

– Да я ж откуда знал, тетя Свет, тут обычно спокойно, – мямлил, вяло отбиваясь, Валера, но в голосе явно чувствовалась вина.

– Ну и что? Да хоть трижды спокойно, мать тащится по ночи с полной сумкой через подворотню, а ты лежишь, сериалы смотришь. Больше заняться нечем?

– Нечем, – огрызнулся Валера, – при чем тут я? На нее где угодно могли напасть, менты ничего не делают, развелось всяких.

– У нее колготки мокрые и драные, – вдруг совершенно спокойно и даже как-то обыденно сообщила Светка.

Нина открыла глаза и немедленно посмотрела на ноги – так и есть, предательская дыра на большом пальце правой ноги и убегающая куда-то вдаль стрелка на левой. Она пошевелила пальцами ног, в тщетной попытке прикрыть стыдобу, но стало только хуже – большой палец окончательно вырвался на волю.

Нина попробовала сесть, удалось ей это со второй попытки. Голова кружилась. Она облокотилась о спинку дивана и прикрыла глаза. Надо было вмешаться в разговор и спасти сына от гнева подруги, почему она на него ополчилась и требует, чтобы он ее встречал? Что случилось? Память начала потихоньку возвращаться, и она вспомнила, что произошло с ней в подворотне. Поднесла руку к лицу и чуть не завопила от ужаса – лицо было забинтовано.

– При чем тут ее колготки? – непонимающе спросил Валера.

Они со Светкой находились в его комнате, а Нина сидела на диване в гостиной. Двери были открыты, и она прекрасно слышала их диалог.

– А при том, мой милый мальчик, что у нее нет денег не то что на новые сапоги, а на новые колготки. Таскается бог знает где и непонятно в чем, только чтобы для тебя копейку заработать. А ты что? Вместо «спасибо» нервы ей мотаешь? – горько спросила Светка.

Валера ничего не ответил.

Нина попыталась встать, но не удержалась на ногах и рухнула на диван. Подруга и сын, словно по команде, сорвались с места и бросились в гостиную, к ней, перебивая друг друга:

– Что случилось? Нинуля, кто это?

– Мам, ты его видела?

Нина подняла глаза на сына. Почему-то после нелепой Светкиной фразы о колготках стало очень жаль себя. Разве так она представляла свою жизнь в пятьдесят лет? Дырявые сапоги и драные мокрые колготки?

– Сыночек, – начала она и глубоко вдохнула, чтобы не расплакаться. До нее постепенно начал доходить весь ужас случившегося. Ведь парень мог ее убить, и тогда Валера остался бы совсем один на растерзание этим страшным людям. Ведь это из-за них он не выходит из дома, как же она сразу не поняла? – Сыночек, – повторила она, – этот парень, он ждал меня в арке, понимаешь? Он сказал, что включили счетчик и если ты не вернешь то, что взял, за две недели, то можешь готовить деньги на мои похороны.

Ей показалось, что Светка сейчас ударит Валеру, – она занесла руку, но в последний момент остановилась, лишь прогудела:

– У-у-у, гад!

Затем подошла к подруге, по-матерински обняла за плечи и прижала к себе. Нина вдохнула аромат пудры и сладкого парфюма:

– Нинуля, надо бы в полицию, заявление написать, мало ли, они же знают всех этих придурков.

– Не надо, – дрожащим голосом возразил Валера.

– А ты вообще молчи, – цыкнула на него Светка, снова укладывая подругу на диван и глядя по голове словно маленькую.

– Не надо, – повторил Валера и сел на диван рядом с матерью, – мам, прости.

Он взял мать за руку и отвел глаза.

– Ну что прости, что прости? Что ты сделал, гад? Говори по-хорошему, ты решил мать убить в прямом смысле этого слова? – перешла в наступление Светка, но Валера ее проигнорировал.

– Мам, что ты там говорила про Америку? Знаешь, ты права. Нам действительно лучше уехать, если получится.

* * *

Они успели в последний момент и только благодаря Светкиной энергии. Подруга сама связалась с брачным агентством и, преодолев сопротивление Нины, сообщила, что та согласна на предложение Дугласа, если оно все еще в силе. Дуглас улетал через несколько дней и, как сообщила Светке по секрету переводчица, – не нашел более достойной, чем Нина, кандидатуры.

Нина закручивала вихри вокруг себя, и они уносили все страхи и мысли, роящиеся в голове. Что она делает – едет на другой конец мира, к незнакомому человеку, с которым толком и поговорить не может. Она же ничего о нем не знает! Или все-таки их как-то проверяют агентства? Или нет? Брачное агентство – это же не внешняя разведка, откуда они что могут знать. О Боже, а что будет, когда дело дойдет до постели? Ему же семьдесят, может, в таком возрасте ему уже ничего не интересно?

Светка не давала ей расклеиться, постоянно напоминая о ранении. Незнакомец в подворотне слегка порезал ей щеку, крови было много, но рана оказалась неглубокой, и благодаря Светкиной легкой руке небольшой шрам оказался почти невидим.

Полиция нападением не заинтересовалась, участковый предложил задержать Валеру на трое суток, чтобы выяснить у него имена дружков, но Нина с негодованием отказалась. Они перевернут эту кошмарную страницу и начнут с чистого листа. Больше никаких наркотиков и криминала. В тот страшный вечер, после ухода Светки, Валера рассказал ей всю правду и поклялся больше никогда не совершать таких ошибок, если мать его спасет.

В нелепой, почти детской жажде красивой жизни – модного телефона, планшета, шмоток и денег на карманные расходы – Валера решил себя попробовать в роли наркодилера. Договорился с парнем, у которого несколько раз брал дозы для себя (на этой части рассказа Нина почувствовала, как на голове шевелятся волосы), тот дал ему небольшую партию по оптовой цене, чтобы Валера сбыв ее в розницу и заработал на разнице. Но Валера побоялся распространять наркотики напрямую и решил поискать в интернете контакты того, кто купит всю партию целиком. Пусть денег меньше, зато безопаснее.

Покупатель нашелся довольно быстро, вот только деньги, которыми он расплатился, оказались фальшивыми. О чем и сообщил Валере дилер, потребовав вернуть партию или расплатиться за нее. Валера пытался рассказать, что платить ему нечем, но дилер оказался глух к оправданиям. Поэтому Валера решил просто прятаться дома, думал, что дилер в конце концов от него отстанет.

Нина пришла в ужас от услышанного. И от глупости собственного сына, и от чудовищности его поступка. И тут же принялась винить себя – если бы она могла обеспечить Валеру телефоном и планшетом, этого бы не было. Ну ничего, сейчас у них начнется новая жизнь. Возможно, Дуглас окажется не жадным, они с Валерой найдут общий язык и он подарит ему телефон? Или Нина сумеет выкроить немного из семейного бюджета.

Но мечты о щедрости Дугласа растаяли в тот момент, когда переводчица Светлана закончила перевод договора. На нем настоял Дуглас перед отлетом, и это было обязательным условием их поездки в Америку.

Если кратко, то весь смысл сводился к тому, что Нина ни на что не имеет права. В случае смерти Дугласа она остается один на один со своими проблемами – алименты, пенсия или недвижимость ей не положены. При жизни Дугласа она будет получать двадцать долларов в неделю на карманные расходы, а за еду, одежду, жилье и телефон он будет платить сам. Она должна принимать посильное участие в жизни фермы и не должна больше нигде работать. В случае ее измены брак немедленно расторгается и Нина возвращается домой с пустыми карманами.

Нина помотала головой и беспомощно посмотрела на переводчицу.

– Да, негусто, – протянула та.

– Что ты сказала? – немедленно поинтересовался Дуглас у женщины и вперил взгляд в Нину.

– Я спросила, все ли она поняла, – ласково улыбнулась переводчица, легко соврав Дугласу, и перевела взгляд на Нину.

– Я правильно понимаю – он берет меня на полное обеспечение и я не должна работать? – переваривала та только что услышанное.

– Да, и двадцать долларов карманных в неделю, – кивнула переводчица и, не удержавшись, хихикнула. Этот старый дед из Колорадо был жлобом даже на фоне обычно прижимистых американских кавалеров.

– А Валера? – уточнила Нина.

– Что Валера? – не поняла Светлана.

– Валеру он тоже будет обеспечивать? – волнуясь, переспросила Нина. Собственные потребности ее заботили мало, за последние пять лет у нее не было и восьмидесяти долларов в месяц, чтобы потратить на свои желания, так что предложение показалось ей резонным.

Впрочем, чего скрывать, не предложи Дуглас карманных, она бы все равно согласилась и поехала бы, ведь речь шла о жизни ее и сына. Переводчица задала вопрос Дугласу, выслушала его ответ и пояснила Нине:

– Он будет содержать мальчика до окончания школы, после – все сам. Если захочет зарабатывать карманные деньги, то сможет выполнять простую работу на ферме.

– Это то, что нужно, отлично, где подписать? – просияла Нина. Валера наконец-то поймет, как зарабатываются деньги, и, возможно, посмотрит на мир по-новому. Научится трудиться. Да и у Дугласа, судя по всему, не забалуешь.

– Вы уверены? – Светлана выглядела удивленной. – Вы, наверное, не понимаете, но для Америки двадцать долларов – это просто ничто, столько люди в день зарабатывают на неквалифицированной работе.

– Что такое? – занервничал Дуглас, переводчица вызвала у него недоверие, надо будет пожаловаться на нее директору, она явно давала свою оценку и ценные комментарии. – Что ты ей говоришь?

Нина ласково улыбнулась будущему мужу («мужу» – как странно это звучит! Она ведь и не надеялась кого-нибудь еще раз в жизни назвать мужем) и сказала первую фразу на английском языке, которую ей еще предстояло повторить сотни и даже тысячу раз в будущем:

– It's ok, – и кивнула на договор, беря в руки ручку.

– Ok, ok, – вдруг заулыбался Дуглас и, показав Нине большой палец, вышел из комнаты, на ходу объясняя: туалет.

Едва за ним закрылась дверь, как переводчица быстро заговорила:

– Смотрите, это добрачный договор, он на три месяца. Если у вас с ним все сложится, то в момент регистрации брака вы будете подписывать брачный. Вы уж постарайтесь, задобрите его как-то, покажите, что вы вся честная и бескорыстная, чтобы он хоть что-то вам отписал в брачном. Иначе в случае его смерти вы останетесь в чужой стране буквально на улице, вы это понимаете?

– Прекрасно понимаю, – спокойно кивнула Нина и посмотрела Светлане в глаза, – это вы не понимаете. Я сейчас в такой ситуации, когда люди подписывают договоры с дьяволом. Что мне какой-то прижимистый Дуглас?

– Дьявол имеет тысячу личин, – покачала головой переводчица, глядя, как Нина берет ручку и ставит подпись под собственным приговором.

* * *

Полет прошел лучше, чем Нина могла себе представить. Валера и Дуглас сразу же нашли общий язык. Английский сына был куда лучше ее, и он мог отвечать на вопросы Дугласа и задавать свои.

Светка потребовала, чтобы большую часть вещей Нина оставила дома – пусть «старый пень», как она немедленно окрестила жениха подруги, раскошелится на новые. Она же помогла в рекордные сроки выправить Нине с Валерой загранпаспорта.

Квартиру Нины Светка собиралась сдать «маньяку-аккуратисту» и каждый месяц перечислять средства Нине. А бабушкины часы и библиотеку пообещала забрать себе и сохранить в целости и сохранности.

Не выдержав, подруга все-таки расплакалась в аэропорту, и Нина едва не начала вторить ей, что вызвало одинаковую реакцию у мужчин – Дуглас и Валера единодушно закатили глаза и фыркнули, а Нина даже улыбнулась сквозь слезы – а вдруг это ее шанс? Должно же ей наконец повезти. Вдруг получится пожить хотя бы немного одной семьей и у нее появится человек, с которым она сможет разделить свое бремя. Она вдруг ощутила, как ужасно устала. От проблем, одиночества, от жизни в целом. А вдруг там, в далеком Колорадо, солнце наконец сумеет пробиться сквозь ее тучи?

Они летели с пересадкой через Нидерланды, и Дуглас сделал им с Валерой подарок – остановился на один день в Амстердаме. Нина пришла в неописуемый восторг – она ведь никогда не была за границей и даже представить себе не могла, что такая красота существует. Гуляя по улицам, она ахала от переполнявших ее эмоций и не могла сдерживать детского восторга при виде бесконечных каналов без горизонта, аккуратности и чистоты улиц, крошечных стильных тематических кафе и изящных дворики. Даже Валера начал улыбаться, а Дуглас снисходительно посмеивался, глядя на восторги неофитов. Впрочем, он тоже впервые был в Европе, но не считал нужным восторгаться – разве может быть в мире что-то лучше Америки?

Небольшая заминка произошла в гостинице в пригороде Амстердама, где Дуглас снял два номера – один для них с Ниной и один для Валеры. Момент истины. Нине было страшно представить себя в постели с другим мужчиной. Она даже выпила два бокала вина за ужином для храбрости, а Дуглас, опрокинув несколько порций виски, принял душ и, сообщив Нине что-то неразборчивое, лег в постель и, повернувшись на правый бок, захрапел.

Обескураженная Нина не знала, радоваться ей или огорчаться. С одной стороны, ничего похожего на желание к Дугласу она не испытывала и вообще с трудом представляла их интимную жизнь, а с другой – она ведь все-таки собиралась строить семью с этим человеком, возможно, она просто не кажется ему достаточно привлекательной?

Мозг, перегруженный новыми впечатлениями, эмоциями, страхами и радостями, решительно отказывался расслабляться, да и трели Дугласа, заставлявшие содрогаться даже пластиковую люстру, сну не способствовали.

Тихонечко встав с кровати, Нина достала из сумки прощальный подарок Светки – новенький смартфон. Подруга приказала Валере установить туда различные программы, которые позволили бы им с Ниной беспрепятственно общаться («или если вдруг что, ты бы могла позвонить»), а еще подруга строго-настрого приказала Нине посмотреть влоги наших женщин, которые живут в Штатах. Они освещают интересные темы и могут подсказать толковые вещи. И вообще, неплохо было владеть хоть какой-то информацией перед тем, как отправляться на ранчо в Колорадо, о котором она ничего не знала.

Конечно же, Светка была права, но организация отъезда всего за две недели так закрутила и завертела, что Нине было не до влогов. И вот теперь у нее появился шанс.

Она тихонечко проскользнула в ванную, плотно закрыла за собой дверь, устроилась на мягком коврик прямо на полу, подобрав под себя ноги. Открыла «ютуб» и ввела в строку поиска «жизнь в Америке».

Информация посыпалась на нее словно конфетти на празднике. Быстро просмотрев ленту, Нина остановила свой выбор на некой Богдане, уехавшей относительно недавно. Богдана щедро делилась своими ежедневными наблюдениями, выпуская по три видео в день (хорошо быть женой миллионера, никаких бытовых вопросов, общайся себе с камерой сколько душе угодно!), и Нина сама не заметила, как погрузилась в просмотр видео о новой жизни, забыв о времени.

БОГДАНА

Нервотрепка сборов и отъезда осталась позади. Мама, всю жизнь проработавшая в областной администрации, подняла нужные связи, и их с Василием оперативно развели. Вначале он упирался, даже плакал, говорил, что любит, и клялся найти себе другую работу. Людмила Степановна очень боялась, что дура-дочь даст слабину и останется.

До врачей она все-таки дошла, и те честно сказали ей – год, если будете бороться. Перед уходом на тот свет она должна удостовериться, что дочь в надежных руках, поэтому не оставляла Богдану ни на минуту, не давая ей возможности изменить свое решение.

Неведомый Джордж, которого она в глаза не видела, подошел ей идеально. Старше – ну и что? Зато гулять не будет. То, что потенциальный зять еще и миллионер, вообще превзошло все ее самые смелые ожидания. При виде его дома она только и сумела, что всплеснуть руками и прошептать «живут же люди», а теперь в этом замке будет жить ее доченька и ее ненаглядная Катюшка. Вот кто в Америке заживет так заживет!

Голливуд, Гавайи и Карибы – все это напоминало фантастический сон, который непременно должен был стать явью для ее дочери, чего бы это ни стоило. А стоило это дорогого. Ведь именно она убедила Васю дать разрешение на вывоз дочери. Тот вначале наотрез отказался, но Людмила сумела аргументированно доказать – в Америке девочке будет лучше, а он сможет общаться с ней при помощи всех этих новомодных технологий. Вася все еще сопротивлялся, когда Людмила Степановна выложила последний аргумент: если у Катюши, не дай бог, не сложится жизнь в этой стране, кого она обвинит, когда вырастет? Через два дня хмурый Василий принес нужную бумагу.

Затем были выматывающие сборы. Вместе с Богданой они перебрали все вещи, отрывая от сердца дорогие безделицы и заменяя их более прагматичными и нужными в хозяйстве вещами.

– Я тут Катюше одежды купила на первое время. – Мать протянула Богдане кулек.

– Ма, ну зачем? Жорж все купит, – в тоне Богданы и манере себя вести уже появилась небрежная ленца, присущая состоятельным людям, которые привыкли решать проблемы с помощью денег.

– Это тебе он купит, а чужие дети, сама знаешь, никому не нужны! – предупредительно заметила мать.

– Ну, мама, – укоризненно протянула Богдана, крутясь перед зеркалом в новых туфлях, купленных ради того знаменательного свидания, – ты же знаешь, что он к Катюше хорошо относится. Купил ей тогда ведро киндеров! Он ей очень понравился.

В последнем Людмила Степановна не была уверена. Девочка привязана к отцу и закатила знатную истерику, узнав, что родители разводятся. Ну ничего, она еще маленькая и глупенькая, подрастет и поймет, почему они на это пошли.

При прощании в аэропорту Людмила Степановна даже расплакалась, осознав масштаб катастрофы. Внутри нет-нет да и поднимал голову легкий червячок сомнения: а правильно ли

она поступила? Кто знает, как у Богданы жизнь там сложится. Она же дура, о себе и позаботиться не сможет. Да и чего скрывать – умирать одной страшно. Но держать при себе дочь с внучкой было бы ужасным эгоизмом. Пусть лучше так, запомнят ее молодой и энергичной.

– Ну все, все, – вытирая слезы, Людмила Степановна слегка подтолкнула своих девочек в нужном направлении.

Они летели сами, потому что Джордж, уже на третьем свидании предложивший Богдане приехать к нему, ждал их в Америке. Летели с пересадкой, но миллионер заказал сопровождение, потеряться не должны.

– Идите, с Богом! – Людмила Степановна перекрестила их на дорогу.

– Бабушка, – Катюша, развернувшись, кинулась к Людмиле Степановне и изо всех сил прижалась, – я не хочу уезжать, бабушка, можно я останусь с тобой и папой?

Людмила Степановна едва не сказала «да», но в последний момент взяла себя в руки.

– Приедешь на каникулы, цыпленочек, тебе еще там так понравится, что и возвращаться не захочешь!

– Захочу, бабушка, захочу! – Катюша крепко обняла и поцеловала Людмилу Степановну, а та заторопила:

– Ну все, все.

Богдана почти не обращала внимания на слезливое прощание. Аэропорт увлек ее, никогда прежде не летавшую. Вся эта шумная толпа, яркие люди, дорогие чемоданы, девицы-воображали на каблуках и в бриллиантах. Ну ничего, она скоро тоже так будет путешествовать. Приедет к Жоржу и первым делом выбросит эти ужасные мамины клетчатые сумки.

Перед отлетом она помирилась с Валентиной. Вовсе не потому, что скучала по закланной подружке, а для того, чтобы иметь возможность доказать: неудачница – это именно Валька, а она, Богдана, почти миллионерская жена. Она дала подруге адрес своего канала на «ютубе», который собиралась вести, каждый день рассказывая о жизни богатых господ (о канале и способе заработка тоже рассказала мама), и строго-настрого наказала подписаться.

Свой первый репортаж она записала в зоне дьюти-фри, наплевав на замечание персонала, что в аэропорту снимать нельзя. Это им всем нельзя, а ей, Богдане, можно! Вот она, новая жизнь, полная чудес. Хнычущая дочь раздражала – и как только Вася с ней справлялся? Немного успокоилась Катюша лишь в самолете, получив в подарок от улыбчивой стюардессы специальный детский набор. Полет прошел весело и интересно, в сопровождении бутылки шампанского и смешных американских комедий.

Жорж встретил их в аэропорту на огромной машине и завез в ресторан пообедать – Богдана не могла поверить собственному счастью. Вот она какая – новая жизнь. Обедать в ресторане просто так, а не по большим праздникам! А затем была живописная дорога от аэропорта в небольшой студенческий городок в окрестностях Денвера. Богдана с жадным любопытством рассматривала открывшийся пейзаж, ожидая появления дворца, в котором ей предстояло жить, когда Джордж затормозил возле небольшого двухэтажного домика.

– Приехали! – с нарочитым энтузиазмом объявил он.

Богдана с недоумением посмотрела на домик. По-английски она не понимала ни слова, но ясно было одно – это здание вовсе не тот замок, который Джордж показывал ей на фотографии.

– Вот из зыс? – это была одна из двух фраз, которую Богдана знала на английском. Переводчица записала ее русскими буквами, и Богдана с трудом, но запомнила.

– Это наш дом, дорогая, – неловко улыбнулся Джордж и заспешил к багажнику доставать чемоданы.

– Мама, а когда мы поедем в замок? – робко поинтересовалась Катюша. Замок был одним из аргументов в пользу жизни в Америке. Какая девочка в шесть лет не мечтает жить в замке, представляя себя принцессой?

– Э-э-э, я не знаю, но узнаю, – решительно пообещала ей мать и, балансируя на высоких каблуках, вылезла из машины и заковыляла к Джорджу, трусливо вжавшему голову в плечи и оперативно выгружающему чемоданы.

– Жорж, вот из зыс? – сдвинув брови, поинтересовалась Богдана, тыча наманикюренным пальцем, украшенным бабушкиным перстнем с гранатом (мама подарила перед отъездом, на память), в скворечник.

– Это моя клиника, Ана. – Джордж расправил плечи и, наплевав на чемоданы, взял приобретение за руку и поволок за собой. Он мог, конечно же, все объяснить ей с помощью одной из компьютерных программ, которые на всякий случай скачал себе в телефон, но не захотел. Будущая жена напоминала ему животное, с которыми он работал много лет. Здесь главное – переключить внимание.

– Клиник, май клиник. – Джордж настойчиво потянул Богдану за собой. Та махнула дочери и, недовольно поджав губы, направилась к небольшому зданию. Его клиника. Может, ему просто по работе надо здесь остановиться?

Катюше увиденное понравилось сразу – разнообразные зверюшки, приходящие в себя после болезни. Кролики, коты, собаки и даже варан! Катя раскрыла рот от удовольствия, а вокруг сразу же захлопотали молодые девушки – сотрудницы клиники, что-то щебечущие на английском языке, который Катя еще не понимала, но интуитивно чувствовала – говорят они приятности и еще суют конфеты.

Богдана же, приосанившись и выкатив грудь, снова тихо спросила у будущего мужа:

– Вот из зыс?

– Моя компания, – откликнулся он и начал по очереди представлять ей сотрудников.

Богдана с каменным выражением лица царственно кивала челяди. Вот это да! Сколько у него подчиненных. А она, получается, будущая жена владельца компании? В глазах снова появился блеск. Богдана слегка пожимала протянутые руки и с хозяйским видом принялась обходить владения. Увиденное ей понравилось – клиника была солидной, две операционные, несколько кабинетов и комната для послеоперационных.

– Хау мач мани? – вторую фразу Богдана выучила самостоятельно, попросив маму посмотреть в Интернете перевод.

– Что ты имеешь в виду? – опешил Джордж, искренне надеясь, что ему послышалась.

– Хау мач мани? Мани-мани, – Богдана сделала широкий жест рукой, образно обводя всю клинику.

Джордж понял, что не ошибся. Полчаса у него ушло на то, чтобы объяснить Богдане, что вопрос про «мани» крайне неприличен здесь, в Америке. Богдана отказывалась понимать – почему неприличный? Если он миллионер, то зачем скрывать? Гордиться нужно!

На фразе про миллионера Джордж вспомнил об оставленных на улице чемоданах и бодро потрусил за ними. С трудом затащил на второй этаж клиники, в небольшую квартирку, окнами выходящую на проезжую часть, и поманил за собой Богдану.

Та пытливым взглядом окинула жилище – странное, конечно, у миллионеров понятие о жизни. Хотя, может, здесь так принято? Если уж вопрос о том, кто сколько зарабатывает, они считают неприличным, хотя что здесь такого, то, может, и сильно светить деньгами тут тоже не полагается? Чтобы не ограбили.

– Гостиная, кухня, мой кабинет, наша спальня и комната Кейт, – Джордж резво, отводя глаза, провел Богдане экскурсию.

– А замок? – потребовала Богдана.

– Замок? – не понял Джордж.

– Фото, замок, большой, – Богдана развела руки, пытаясь объяснить Джорджу, о чем идет речь, но тот сделал вид, что не понимает ее.

– Ай донт андерстенд ю, – сообщил он Богдане.

Квартирка, расположенная в мансарде, не потрясла воображение в отличие от замка, анонсированного ей в родной стране. Богдана сникла на глазах – и что теперь делать? Он ей соврал? Конечно, они еще не поженились, она может сесть на самолет и вернуться назад, к маме.

– Мама, – Богдана достала телефон и продемонстрировала его мужу. Тот согласно кивнул, но до того, как будущая жена нажала кнопку вызова, быстро сказал:

– Ресторан. Вечером мы поедем ужинать в ресторан.

Мысль о ресторане немного утешила Богдану, но она все же набрала мамин номер. Та позаботилась заранее, чтобы у доченьки был включен роуминг и хватило денег на счету.

– Мам, это я, Жорж меня привез в какую-то квартиру, а не в замок, – обиженно протянула Богдана, едва мать ответила на звонок. – Ну откуда я знаю почему? Я ж его не понимаю. Может, я назад полечу? Квартира у него так себе, разве что мебель хорошая кожаная в гостиной стоит. А гостиная с кухней соединена, вот уже дурацкая планировка. Буду жарить котлеты – все вонять будет. Мне здесь не нравится.

– Доченька, ты не торопись, – перебила ее мать, немного обеспокоенная, но не любившая делать скоропалительные выводы, – мало ли, может, у него ремонт в замке идет? Или рабочая квартира какая-то.

– Ну да, она над клиникой, – промямлила Богдана, заметив, что Джордж напряженно прислушивается к ее разговору, и, прикрыв телефон рукой, направилась в другую комнату, – клиника у него ничего такая. Познакомил меня со своими подчиненными, – Богдана сделала акцент на слове «подчиненные».

– Ну вот, видишь! Может, у них там принято так. Ты, доченька, выводов скорых не делай. Осмотрись, пойми, что к чему. Три месяца у тебя есть до свадьбы. Сама все поймешь. Клиника есть, явно денюжки у мужика водятся.

– Я у него спросила, а он мне сказал, что неприлично такие вопросы задавать, – наябедничала Богдана матери.

– Правильно сказал, – закашлялась та, – ты рот на замке держи, молчи, улыбайся и смейся, как будто ты всегда в хорошем настроении. Так сам тебе быстрее про миллионы расскажет, чем если приставать будешь и допытываться. Я вон по телевизору видела, что у них миллионеры вообще как бомжи одеваются. Этот твой, актер любимый, ну чернявый такой?

– Киану Ривз?

– Ну да, он самый, ходит в какой-то рванине. Может, и Джордж тебя испытывает, чтобы понять, за него ты замуж хочешь или за его деньги. Так что не будь душой. Улыбайся, кивай и за все благодари.

Мамины слова показались Богдане разумными. С этой точки зрения вся ситуация выглядела совершенно иначе. Бодрость духа и хорошее настроение моментально вернулись.

– Ма, ну все, я пойду, он сказал, еще в один ресторан поедем.

– Вот, видишь, часто тебя твой Вася в рестораны водил? А тут будешь жить как царица, каждый день по ресторанам. Ну все, целуй Катюшку.

Мысль о Васе, конечно, немного подпортила настроение. Душа, а самое главное – тело, скучали по бывшему мужу. Но перспектива питаться каждый день в ресторанах была настолько заманчивой, что перекрыла моральные и физические терзания. Закончив разговор с матерью, Богдана лучезарно улыбнулась Джорджу:

– Ресторан, о'кей!

А тот, уставившись на крупный призывный рот, выкрашенный в честь встречи ярко-алой помадой, мысленно принялся подсчитывать, во сколько же ему обойдется замена зубов молодой невесты до того, как он сможет представить ее друзьям.

* * *

Богдана удостоверилась, что телефон надежно зафиксирован и запись видео началась. Вернулась на исходную позицию – возле окна в кабинете Джорджа, откуда открывался неплохой вид на город. Оделась понаряднее, все-таки видео – это ответственно! Решила надеть то самое, счастливое черное платье, которое привело ее к такой жизни, и туфли под стать.

В Америке она была уже целых две недели, начинала потихоньку чувствовать себя местной жительницей и спутницей богатого человека. Мудрая мама оказалась права – Джордж действительно был миллионером. Они каждый день ужинали в ресторане. Стоило Богдане заикнуться о том, что она хочет приготовить домашний ужин – борщ сварить и котлет нажарить, как Джордж принимался бурно протестовать. Вначале, правда, выяснил, что же такое борщ и котлеты, а услышав объяснение, заявил, что его принцессе это будет слишком сложно.

Богдана была на седьмом небе. Вася, он ведь как – всегда требовал горячий ужин и рюмашечку. Джордж, правда, тоже от рюмашки не отказывался, но поужинать мог в ресторане, и Богдане это начинало нравиться все больше. Каждый вечер они шли в новое место – пробовали китайскую, мексиканскую и даже тайскую еду! Она принаряджалась, ей нравилось выделяться на фоне местных женщин. Про замок Джордж ей все объяснил. Сказал, что там сейчас живет его бывшая жена – он благородно уступил ей большой дом, а сам принял решение жить над клиникой, чтобы быть в состоянии принять клиентов ночью, к примеру. Да и вообще, зачем ему самому такой большой дом? Но если его бывшая выйдет замуж, то он сможет туда снова вернуться. С Богданой.

Вначале та засомневалась – ну какой замуж на седьмом десятке? Тут самое время ползти в сторону кладбища, завернувшись в простыню, но, увидев «бывшую», дрогнула. Та явно не брезговала продуктами косметической индустрии, была свежа, подтянута, энергична и даже имела «бойфренда», как пояснил Джордж, на первый взгляд показавшегося Богдане моложе ее собственного жениха. Может, и правда, как замуж позовет, так и побежит, а она, Богдана, станет хозяйкой этого роскошного замка, набитого антиквариатом и расположенного на берегу собственного озера. От открывавшейся перспективы кружилась голова и сладко замирало сердце.

Пришло время утереть нос этой выскочке Вальке. Пусть она удавится от зависти вместе со своим Ашотом. Подумаешь, шубу греческую он ей покупает!

Богдана решила продлить удовольствие и выдавать информацию частями, представляя, как Вальку душит жаба и она каждый день с другими товарками на рынке обсуждает ее, Богдану, без пяти минут миллионерскую жену.

Начнет она, пожалуй, с того, как вообще охомутать миллионера. Чтобы ни у кого из зрителей не осталось ни малейшего сомнения – доступно это только избранным.

Откашлявшись и поздоровавшись с будущей аудиторией, Богдана принялась вещать:

– Ну вот я и в Америке, буду делиться с вами своими впечатлениями. Приехала я сюда потому, что встретила и полюбила миллионера, а он, естественно, полюбил меня с первого взгляда. И сейчас я расскажу, как это у меня получилось. В общем, вот вам первый совет – наденьте на первое свидание платье с открытой зоной декольте. Ну, это, конечно, если вам есть что в этом декольте показать, ха-ха. У меня есть, пятый размер, и все натуральное. Вот смотрите, – Богдана призывно скользнула рукой по груди, а потом спустилась к крутому бедру, кокетливо привлекая внимание аудитории, дескать, просто скромная я женщина, но у меня не только сверху, но и внизу есть на что посмотреть. Озвучивать не стала, сами догадаются. Снова откашлявшись, продолжила: – Вот в этом черном платье с глубоким декольте я и пошла в боулинг. Как завещала Коко Шанель. Так и говорила – главное, декольте побольше. Ну, а если вам не пове... в смысле, если декольте у вас не очень, то закройте его и подчеркните то,

что у вас есть хорошего. Только брюки не надевайте. Если вы в брюках, вас воспринимают как мужчину, и никакой миллионер на вас не женится. Это я вам точно говорю. У Жоржа тут все друзья миллионеры, так вот, все их жены ходят в юбках. Так, что дальше. Чистые волосы распустите. – Богдана запустила руку в волосы и активно ею потрясла. – Кстати, еще вам совет – если у вас короткая стрижка – отращивайте перед поездкой в Америку. Потому что салоны дорогие. Я как глянула – чуть не умерла. Ну в смысле, мне-то, конечно, нормально, но если мужчина у вас, ммм, среднего достатка, это будет накладно.

Богдана перевела дух и продолжила делиться секретами красоты:

– Осанка – это совет из театрального кружка, я ходила в школе. В общем, если вы стеснительный человек и везде комплексуете, то играйте роль голливудской звезды – спокойной и хи-хи, ха-ха. Как вы себя преподнесете мужчине, так он и будет вас воспринимать. Но без осанки это будет, как говорил Достоевский, – не верю!

Богдана замолчала и посмотрела в окно, где рабочие приступили к ремонту дорожного полотна. Звук отбойного молотка мешал записи видео, но Богдане не терпелось выложить его как можно скорее:

– Так, погодите, у нас тут проблема с дорогой какая-то, Жорж вызвал бригаду, чтобы починили, я сейчас окно закрою.

Она высунулась в окно по пояс, чтобы оценить размер катастрофы. Один из рабочих – молодой мексиканец, сбросивший с себя жилетку и оставшийся в одних брюках, дружески ей подмигнул. Богдана собиралась высказать пару крепких слов о его наглости, когда щелкнула входная дверь. Катюша была в школе, значит, Джордж решил прийти домой на обед, чего за эти две недели ни разу не случилось. Мысли Богданы сразу разбежались – чем накормить-то? Хоть бы предупредил! Она ж с утра наряжалась, готовилась к съемке, не успела ничего сделать.

– Ну на сегодня все, мне пора в ресторан. – Она послала воздушный поцелуй в камеру, надеясь, что он вlepится мокрой пощечиной в наглую Валькину рожу, и с широкой улыбкой повернулась к входящему в комнату мужу.

Джордж выглядел подозрительно торжественным – неужели подарит вожаделенное колечко с бриллиантом? Богдана даже страничку из журнала в самолете вырвала, чтобы ему показать, какое хочет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.